

ЖИЗНЬ

на каблуках

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

...МОЯ ХВАЛЕНАЯ КРАСОТА
ЗДЕСЬ В РАСЧЕТ
НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.
ПОТОМУ ЧТО ТАКИХ,
КАК Я, ЗДЕСЬ – ТОЛПЫ...

...У МЕНЯ НЕТ В ЭТОЙ
ЖИЗНИ НИКАКИХ
ПРЕИМУЩЕСТВ, КРОМЕ
БОЛЬШОЙ ГРУДИ
И ДОВОЛЬНО СМАЗ-
ЛИВОЙ МОРДАШКИ...

- А У МЕНЯ ЕСТЬ ШАНС
СТАТЬ КОГДА-НИБУДЬ
СТРИПТИЗЕРКОЙ?

Маша Царева

Жизнь на каблуках

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=287932*

Жизнь на каблуках: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-40864-1

Аннотация

Москва ошибок не прощает. Главная героиня романа «Жизнь на каблуках» приехала в город в драной шубе и с пятьюдесятью долларами в кармане. Получила работу в танцевальном коллективе и ввязалась в многолетний болезненный роман с женатым мужчиной. Единственное, в чем не может разобраться Варя, – делают ли все эти обстоятельства ее счастливой или в мечтах о самостоятельной жизни в Москве ей все-таки виделось нечто большее?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	49
Глава 4	66
Часть вторая	84
Глава 1	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Маша Царева

Жизнь на каблуках

Часть первая

ДО НЕГО

Глава 1

Я не знаю, что такое любовь, но имею на этот счет некоторые предположения. Любовь – это когда не задумываясь присоединяешь гремящие в продранном кармане монетки к последним измятым десятирублевкам и приобретаешь в ларьке у метро чулки с кружевными подвязками. Столь же красивые, сколь никчемные. Даже девки из порнофильмов давно не носят чулки, потому что в моде спортивная практичность, а кружева давно считаются безнадежно устаревшими и вульгарными. А ты почему-то решаешь, что тебе они пойдут.

Итак, ты покупаешь на последние деньги чулки, ты мучаешься в них весь день (кто сказал, что чулки – это функционально?!) – и все это только для того, чтобы некто, скользнув по ним затуманенным взглядом, пробормотал ничего не

значащий комплимент, перед тем как снять их с тебя и забыть навсегда об их существовании.

Любовь – это когда ты вприпрыжку несешься к телефонному аппарату, а потом, как опытный дрессировщик, пытаешься обуздать собственное выплескивающееся через край дыхание – так, чтобы «алло» получилось как минимум безразличным и томным.

И мрачно мате Маша Царева Жизнь на каблукахришься про себя, если бездушная трубка здороваается с тобой совсем не тем голосом, которому твоя томность была втайне адресована.

Любовь – состояние, близкое к циклоидной психопатии. Приглашение на свидание – как таблетка экстази, от которой дуреют бесшабашные подростки. По моим наблюдениям, любовь размягчает мозги. Конечно, я не интеллектуалка, но и тупой себя отнюдь не считаю. Но когда влюбляюсь, становлюсь дура душой. Вы в этом еще неоднократно убедитесь.

Любовь... Тебя пригласили на банальное чаепитие, а ты размечталась! Ты мечтаешь о том, что, возможно, вечерние чайные посиделки плавно перетекут в полуночные слабоалкогольные, а там – кто его знает (на этой мысли, как правило, и покупаются пресловутые чулки). Ты мечтаешь о том, как уютно тебе будет спать, уткнувшись носом в пахнущую свежим потом и дорогим одеколоном ямку на его груди, ты надеешься, что утренний кофе будет крепким, утренняя улыбка – в меру многозначительной, а вскоре за этим последует

свадьба – пышная или – шут с ней – скромная (главное – будет!), общие дети вырастут кудрявыми и румяными, совместная жизнь окажется счастливой и безоблачной, как в рекламном ролике быстрорастворимого супа. Ты мечтаешь обо всем этом круглосуточно, безостановочно, маниакально.

Тебе наступают на ногу в метро, ты говоришь «Извините!» и улыбаешься благодстно, как сектантка.

Ох, не знаю я, что такое любовь.

Но однажды я встретила мужчину, который заставил меня дважды расплакаться. Не был он моим первым мужчиной, не был вторым, да и после того, как его поистрепавшаяся зубная щетка навеки покинула стакан на моей раковине, случилось в моей жизни многое, достойное упоминания.

Впрочем, об этом потом. Сначала давайте обо мне.

Меня зовут Варя, мне двадцать пять лет. Шатенка, волосы длинные, прямые, глаза серые, но становятся голубыми летом или если я надеваю свой любимый свитер цвета берлинской лазури. Как и всем сероглазым, мне идет голубой. Рост метр семьдесят. Очень удобный рост – без каблуков под стать любой особи противоположного пола, а на высоченных шпильках я становлюсь этакой изящной шпалой, из тех, что ходят по субботам в «Циркус» или «Априори» и томно по-сасывают агатовый мундштук с торчащей из него ментоловой сигаретиной (но никогда не затягиваются всерьез, потому что от этого портится цвет лица). Вес – пятьдесят пять

килограмм, размер ноги – тридцать восьмой, талия – канонические шестьдесят, бюст – сто сантиметров. Зинка, с которой мы вместе снимаем квартиру, говорит, что с бюстом мне повезло. Как будто бы я без нее не знаю, что повезло. Да мне сто раз предлагали в стриптиз податься! В стриптизе такие деньги крутятся, что нам, девочкам из кордебалета, и не снилось. Но у меня на этот счет свои предубеждения. Так сказать, моральный кодекс. И потом, знакома я со стриптизерками – вот уж кому не позавидуешь. Шмотки от Версаچه, а в красиво покрашенных глазах злость. И каждая может про себя такого порассказать, что голливудские сценаристы отдыхают.

А вот моей квартирной соседке Зинке, кстати, с бюстом повезло куда меньше. Ей приходится покупать специальные лифчики с вставками из жидкого силикона и накладными сосками. Выглядит до отвратительного правдоподобно. Правда, я понятия не имею, как она умудряется незаметно отклеить торчащие резиновые соски на свидании. Уходит в ванную Памелой Андерсон, а в постель возвращается ранней Кейт Мосс, что ли?

– Зинка, а если силикон лопнет? – иногда спрашиваю я, главным образом для того, чтобы ее поддразнить. – У мужика же инфаркт будет.

– А я манекенщица, мне буфера ни к чему, – огрызается она.

Зинка действительно пашет в третьесортном модельном

агентстве. Почему-то она очень своей профессией гордится. Хотя чего хорошего-то? Получает от двадцати до пятидесяти долларов за показ мод. Иногда опускается до работы промо-герл – с фальшивой белозубой улыбкой предлагает посетителям какого-нибудь супермаркета отведать новый сорт сыра или приобрести шоколадный батончик по суперцене. Она, конечно, мечтает пробиться наверх, но, на мой взгляд, шансов у Зины маловато. Во-первых, она далеко не красавица. Выше меня на полторы головы, тощая, волосенки жидкие, личико бледное, круги под глазами – недосыпает, бедняжка. Во-вторых, ей уже двадцать четыре. В таком возрасте модели на пенсию собираются.

Но о Зинке я тоже расскажу вам позже.

Если придерживаться законов хронологии, то для начала стоит рассказать, как и зачем появилась я в этой чертовой Москве. Как не сбылись мои наивные честолюбивые мечты и как со мной случилось то, о чем я даже и не мечтала.

Только вот знаете какая мысль гложет меня в данный момент? Может, я слишком обычная для того, чтобы стать героиней романа? Сами посудите – не абсолютная красавица, не то чтобы очень интеллектуальна (образование неоконченное среднее), не знаменитость. Даже на определение «стерва» я, пожалуй, не тяну, хотя многие с этим не согласятся.

Однако жизнь мою серой не назовешь. Знаете, сколько раз случалось со мною отчаянное «почти» – я почти прославилась, я почти была лучшей подружкой большой звезды, я по-

что стала любимой женщиной самого лучшего (и самого подлого) на свете мужчины.

Так что приготовьтесь. Сейчас я расскажу вам о том, как я не стала звездой эстрады. О том, как звездный статус обрела моя лучшая подруга, в которую я, признаюсь честно, никогда особенно не верила. О том, как она перестала сначала быть лучшей, потом, соответственно, подругой.

Ну и о самом подлом мужчине на Земле, разумеется. Пусть он не надеется, что я скромно и благородно утаю от широкой общественности перипетии нашего ледового побоища под названием «любовный роман». Нет уж, страна должна знать своих героев.

Родилась я черт знает где, дурнушкой с невероятным самомнением. Да, я из породы гадких утят. Радующая взгляд женственность появилась в моем облике годам к двадцати, а до того времени я напоминала кузнечика-переростка – тощенькие ручки, длинные кривоватые ножки, мелковатое личико, собранные в практичный хвост на затылке волосы. Но себе самой я всегда казалась до неприличия совершенной. Я смотрела на себя в зеркало и упивалась прелестью собственного лица – изящным изгибом густых темных бровей, и миниатюрным носом, и четко очерченными темными губами, и высоким лбом.

Я была самым совершенством, моя красота (как наивно казалось мне самой) была сопоставима с шокирующим оча-

рованием музейных произведений искусства. Мне казалось, что стоит мне только захотеть – и весь мир падет к моим (тощим и длинным, как каминные щипцы) ногам. Я могла стать актрисой, которой рукоплескали бы миллионы поклонников, манекенщицей, разбивательницей сердец. Я ни минуты не сомневалась, что в один прекрасный день о Варваре Ивановой узнает весь мир.

Между тем росла я в приволжском городке с населением пять тысяч человек. Воспитывала меня тетка, сестра моей матери. Мать помню плохо – когда мне было четыре года, она вышла замуж за инженера-интеллигента и укатила с ним в Саратов. Первое время новоявленные молодожены исправно навещали нас с теткой – мне привозили неизменные склеенные развесные конфеты и уродливых дешевых кукол, в которые я никогда почему-то не играла. Наверное, у меня напроць отсутствует материнский инстинкт.

А потом у меня появился брат – и когда тетка сообщила мне об этом событии, я сначала обрадовалась. Наивная, откуда я могла знать, что появление в маминой жизни красного, беспричинно орущего существа, похожего на резиновую игрушку, будет означать мое окончательное и бесповоротное с ней расставание. Мама приезжала все реже и реже. Однажды она не приехала в Новый год. Потом забыла о моем дне рождения. А потом как-то само собой получилось так, что никакой мамы у меня вроде и нет.

Тетку я, честно говоря, никогда особенно не любила. По-

баивалась я ее – она была женщина неприветливая и хмурая. К тому же она была слишком измотана работой и «прелестями» полунищего провинциального быта – слишком измотана, чтобы пытаться со мной дружить. Работала она швеей в ателье, а летом еще и пахала на дачном участке, обеспечивая нашу небольшую семью непременными зимними консервами.

Так что я была, что называется, предоставлена самой себе. И использовала собственную неприсмотренность на полную катушку. На свидания бегала с двенадцати лет. Хорошо, что у меня хватило ума, начитавшись сопливых любовных романов в мягком переплете, обзавестись мечтою в один прекрасный день выйти замуж за миллионера. Где искать миллионера в родном убогом городке, я понятия не имела, но свято верила, что однажды в моей жизни произойдет некая роковая случайность, результатом которой будет появление возле меня его – красивого, нежного, богатого.

Поэтому свою девственность я берегла, как пиратский клад, – это было единственное, что я могла предложить потенциальному прекрасному принцу. Все героини любовных романов в мягких переплетах лишались девственности в объятиях синеглазых женихов, и я не должна была стать исключением. Кто знал, что в итоге я без сожаления и грусти расстанусь с «пиратским кладом» в возрасте девятнадцати лет и моим избранником будет отнюдь не прекрасный принц, а тихий сосед по подъезду, бывший одноклассник по фа-

милии Самсонов. Именно ему, полупьяному, я вручу божественный дар, после чего он, застенчиво сверкая прыщами, предложит мне сочетаться законным браком, а я снисходительно рассмеюсь ему в лицо.

Но это не так важно. Главное – я плохо училась, гуляла, не брезговала дешевым пивком и отвратительно воняющими папиросками, но лиц противоположного пола близко к себе не подпускала. Тривиальный минет ведь близостью не считается, не правда ли? И не надо делать такое лицо, мне еще не раз предстоит вас шокировать.

Переломным моментом в моей обреченной на непутевость жизни можно считать тот день, когда новенькая преподавательница по физкультуре, глядя на то, как я отчаянно взбираюсь по канату вверх, сказала:

– Девочка, с твоей грациозностью в балерины бы идти.

Она надо мной не издевалась, ей и правда показалось, что я не лишена гибкости и чувства ритма. Выяснилось, что Татьяна Федоровна (кажется, ее звали именно так, но наверняка поручиться за достоверность воспоминаний не могу) когда-то и сама баловалась хореографией. И даже танцевала в каком-то ансамбле. Она организовала при нашей школе хореографический кружок и уговорила меня посещать занятия. Вскоре я стала примой этого кружка. И однажды даже выиграла областные соревнования по латиноамериканским танцам. Было мне тогда четырнадцать лет. Тетка моя сидела

в первом ряду в своем лучшем шерстяном костюме и глотала слезы умиления.

Танцевать мне нравилось. Все остальное – нет. К девятому классу выяснилось, что у меня тройки почти по всем предметам. Продолжать школьное образование смысла не было. И я поступила в швейное ПТУ – так сказать, решила продолжить семейную традицию. Династия периферийных швей – звучит заманчиво, не правда ли?.. Вот и мне так показалось, поэтому через пару месяцев я ПТУ бросила. К тому же подружиться с иглой мне так и не удалось.

– Руки у тебя не откуда надо растут, девка! – ворчала тетка.

– Зато у меня откуда надо растут ноги, – нагло хохотала я. – На том и держимся.

Выпав из системы образования, я не осталась аутсайдером. Я устроилась в ансамбль народного танца – мне даже трудовую книжку завели. Получала, конечно, копейки, зато объездила почти всю страну – с концертами в облезлых ДК.

Ансамбль этот считался детским. Продержалась я в нем благодаря своей худобе довольно долго. Но когда мне исполнилось двадцать, худрук, вздохнув, объявил:

– Варька, к сожалению, нам придется проститься. С твоей грудью стриптиз надо танцевать, а не польку-бабочку.

И я вернулась в теткин дом. Чтобы проскучать в нем бесконечный год – целыми днями я валялась на диване с книжкой в руках. На лоточный ширпотреб денег у меня теперь не

было, так что с низкопробных любовных романов и дубовых детективов я вынужденно перешла на потрепанные томики Гюго, Мопассана, Чехова, Маркеса, Остин – как ни странно, у моей полуграмотной тетки была неплохая библиотека. Наверное, за один тот год я узнала больше, чем за всю свою жизнь. Я жадно глотала информацию, пережевывала детали, переваривала факты. Кто бы знал, как завидовала я книжным героям, которые почему-то казались мне более живыми, чем я сама. В их жизни были приключения, а в моей – только продавленный диван и неряшливые улицы тихого, знакомого вдоль и поперек города. Иногда я лениво думала – а может быть, бросить все и рвануть в Москву? Попробовать себя в... да какая разница, в чем именно, главное – не сидеть на месте! Молодость-то проходит, вот уже и первые морщинки появились под глазами. Я старела быстрее, чем мой лучший товарищ – теткин диван. Я думала об этом и тут же одергивала себя – какое ребячество! Что, в Москве своих Варек мало, что ли?

Иногда танцевала перед зеркалом, но теткина малогабаритка была не особенно приспособлена для зажигательной румбы или страстного танго. Согласна, я была эгоисткой. Села на шею пожилому человеку, ничего не зарабатывала, не помогала по хозяйству. Зато сейчас тетка получает от меня ежемесячную дотацию – довольно приличную, скажу я вам, сумму. Я даже предлагала ей переехать ко мне поближе, в Москву. Но она отказалась покидать насиженное место. А я

и не настаивала – мы ведь никогда с ней не были близки.

Конечно, в один прекрасный день ей надоело содержать молодую здоровую и вполне трудоспособную девицу. Волевым решением она изменила всю мою жизнь, сказав:

– Вот что, Варька! Я знаю, что тебе надо делать. Озолотишься, в люди выбьешься. Работать нормально все равно ведь не хочешь, да и делать ничего не умеешь. Не полы же тебе мести.

– Что ты придумала? – подозрительно спросила я.

– Я вот денег тут немного насобираала... На них можно купить плацкартный до Москвы. Ну и продержаться первое время.

– Что же я буду в Москве делать? – удивилась я. Для меня слово «Москва» было вполне сопоставимо со словом «Голливуд».

– Как – что? То же самое, что и здесь. Жопой вертеть. Только здесь ты это перед зеркалом делаешь, бесплатно. А там деньги хорошие за это дают. Видела я одну передачу... В Москве сейчас клубы пооткрывались для богатых. Там девки вроде тебя пляшут, даже хуже. – Тетка покраснела и быстро добавила: – И заколачивают, между прочим, бешеные тысячи.

– Ловко! – ухмыльнулась я. – Значит, в проститутки меня отдать хочешь?

– При чем тут проститутки? В той статье было написано, что все это без интима... Так и называлась статья – «Интим

не предлагать»... И потом, если что-то не сложится, то ты всегда можешь вернуться. Родная кровь, не выгоню. Короче, билет я тебе уже взяла.

И я поняла, что тетка решила мою судьбу самостоятельно. При всем ее провинциальном ханжестве у нее хватило смелости отправить единственную близкую родственницу в незнакомый город осваивать сомнительную профессию. Разве имела я право с ней спорить?

И я отправилась покорять Москву. В прокуренном плацкартном вагоне, с пятидесятидолларовой бумажкой в кармане. На мне была добротная, но безнадежно уродливая цигейковая шуба и стоптанные кожаные сапоги на два размера больше – когда-то они считались модными и принадлежали моей матери. Я понятия не имела, куда и зачем еду. С одной стороны, рада была сменить обстановку, с другой – панически боялась одиночества в незнакомом городе, русском оплоте торжествующего капитализма. С одной стороны, мне хотелось найти интересную работу, с другой – я сомневалась, получится ли из меня «шестовая дива». И действительно ли мне хочется ею становиться. С одной стороны, я надеялась обзавестись хорошими друзьями, с другой – побаивалась людей. И даже немного их недолюбливала. Я всегда была немного нелюдистой. По натуре я – волк-одиночка. В общем, я пребывала в полной растерянности и чувствовала себя настоящей Золушкой, как бы пошло и пафосно это

ни прозвучало.

Москва встретила меня неприветливой октябрьской сыростью и обезоруживающим хамством. Хамили все – прохожие, продавцы, билетные кассиры. Полдня я провела на вокзале, потому что просто боялась спуститься в метро. И не знала, куда ехать. К тому же в первые же часы моей московской жизни мне удалось выяснить несколько пренеприятнейших вещей:

а) Мои пятьдесят долларов деньгами здесь не считаются. На эту сумму можно купить пару тюбиков губной помады или поесть в приличном заведении. А снять на такие деньги квартиру – и думать нечего. Об этом поведала мне вокзальная проститутка по имени Муся, с которой я познакомилась от скуки.

б) Я нравлюсь вокзальным сутенерам, даже очень. За три часа пребывания в зале ожидания я получила почти десяток предложений о взаимно выгодном сотрудничестве.

в) А вот московским мужчинам я почему-то не нравлюсь. И вообще, странные они какие-то. Торопливые. Куда, спрашивается, спешат? Несутся себе, взгляд устремлен в будущее, а на меня никто и не взглянет. А я вот она, под носом, сокровище небесной красоты.

г) Моя хваленая небесная красота здесь в расчет не принимается. Потому что таких, как я, здесь – толпы. Москвички показались мне ослепительно роскошными. Все они были

модно одеты, каждая третья – блондинка. Ясен пень, крашеная, но разве можно было сравнить их холеные белокурые локоны с пергидрольными жесткими паклями моих провинциальных товаров? Итак, большинство москвичек – принцессы. И этот факт оптимизма мне, разумеется, не добавлял.

д) Мои сапоги протекают.

Вот такие неутешительные выводы, а ведь я находилась в Москве не более пяти часов. Хорошо, что я никогда не была склонна к пессимистичному самокопанию. Иначе мигом бы потратила доллары на обратный билет и вернулась под него-степриимное теткино крылышко.

Но в кармане моей ужасной, не по погоде теплой шубы лежала мятая бумажка с адресами трех стрип-клубов Москвы – заботливая тетка выписала их для меня из какого-то справочника. Так что у меня было чем заняться.

Не буду рассказывать подробно, каким стрессом обернулось для меня московское метро. Упомяну лишь то, что доллары у меня украли, – как это могло получиться, ума не приложу. Наверное, не надо было держать деньги в кармане – в толпе на переходах между станциями метро опустошить мой карман было легче легкого.

Я, конечно, как и положено наивной идиотке, обратилась в милицию. Там надо мной долго смеялись, а потом, узнав об отсутствии московской прописки, и вовсе посоветовали уносить ноги. Тогда я расстроилась, но сейчас понимаю, что

мне просто повезло.

Итак, в клуб с многообещающим названием «90-60-90» я пришла без гроша в кармане. Охранник, одетый почему-то в белый смокинг, наотрез отказался пускать меня внутрь.

– Топай отсюда, красавица, – процедил он, насмешливо глядя на мою убогую шубу и старомодные сапоги.

– Я пришла устраиваться на работу, – пробовала спорить я. – Я танцовщица.

– Да? А может быть, уборщица? – откровенно издевался он. – Топай, все места заняты.

– Но мне назначено. Я договаривалась с управляющим, – бодро соврала я. – Передайте ему, что приехала Варвара Иванова, солистка ансамбля народного танца «Светлячок».

Это было правдой. До сих пор не понимаю, почему мерзкий тип в смокинге так развеселился. Но смеялся он долго – сомневаюсь, что такое вот безостановочное визгливое ржание входило в его профессиональные обязанности.

– Что смешного? Я профессиональная танцовщица, у меня свой номер, и я ношу бюстгальтер пятого размера. Так ему и передайте.

Неожиданно в наш эмоциональный спор вмешался третий голос, который мне, неотесанной, показался чуть ли не гласом Божиим. Во всяком случае, доносился он откуда-то с неба. К тому же был гулким и завораживающе низким. Откуда мне было знать, что на потолке, у входа, вмонтирова-

ны видеокамера и динамик? Мое знакомство с новинками технического прогресса ограничивалось гордым обладанием цветным телевизором «Панасоник» – тетка купила его на новогодней распродаже. Мне очень нравилось, валяясь на диване, переключать кнопки на изящном серебристом пульте. По счастливой случайности наш диалог подслушал управляющий клубом.

– Пропусти ее, Фарик. Пусть поднимается ко мне в кабинет.

Фарик, как мне показалось, нехотя освободил проход. Перед тем как позволить мне пройти, он поводил вдоль моих ног мерно попискивающей металлической штуковинкой – может, подозревал, что у девчонки в цигейковой шубе имеется при себе пистолет? Вряд ли – к сожалению, я совсем не похожа на девушку, которая теоретически может иметь огнестрельное оружие. На этакую решительную стервозу, у которой на лбу написано «Всем на пол, это изнасилование!».

– Третий этаж, по коридору налево, – процедил охранник перед тем, как навсегда потерять ко мне интерес.

Глава 2

Поднимаясь по сверкающей, со вмонтированной в пол иллюминацией, лестнице, я чувствовала себя почти счастливой. Никогда, никогда раньше мне не приходилось бывать в таком красиво оформленном месте. По белоснежным стенам были развешаны фотографии Мерилин Монро. Шикарные пальмы в мраморных кадках, сонно журчащий фонтанчик, причудливые светильники. Сейчас бы подобное великолепие показалось мне варварским. А тогда я онемела, оробела. В голове назойливо пульсировала одна-единственная мысль – я хочу здесь работать, я хочу работать именно здесь! Хочу во что бы то ни стало быть частью этой красоты, хочу находиться среди этих предметов, хочу видеть каждый день эти стены, и этот пол, и этот фонтанчик.

Хочу, хочу, хочу!!!

– Что, нравится вам у нас? – вкрадчивый мужской голос прозвучал совсем рядом. Я осмотрелась по сторонам в поисках еще одного динамика. Но на этот раз голос принадлежал живому человеку – высокому усатому мужчине с восточным разрезом глаз. Он был одет куда скромнее охранника. Черные брюки и обычный серый свитер – наверное, все это стоило кучу денег, но выглядело предельно просто. – Меня зовут Самир. Я управляющий этого клуба.

– Варвара, – от волнения я немного охрипла. – Можно

просто Варя. Варя Иванова.

– Варя Иванова, значит, – насмешливо повторил он. – Ладно, пройдемте в зал, посмотрим, что вы за птица. А шубку снимите, ее можно в моем кабинете бросить. Не бойтесь, не украдут.

– Деньги у меня уже украли, – буркнула я, – в метро. Я первый день в Москве.

– Вот как? Откуда же приехали?

Я сказала откуда. Самир присвистнул:

– Далековато. Жить есть где?

– Нет. – Я не видела смысла врать.

Может быть, если я подойду, мне дадут какой-нибудь аванс. Или даже разрешат переночевать в одном из шикарных помещений этого вождя заведенного заведения. Я улыбалась с приветливостью, доведенной до стадии идиотизма, как девушка из рекламного ролика отбеливающей зубной пасты. Мне хотелось во что бы то ни стало понравиться этому Самире, он представлялся мне кем-то вроде доброй феи, от которой по закону жанра зависит большое Золушкино будущее.

– Ну и где же ты танцевала? – после паузы спросил он.

– В ансамбле народного танца «Светлячок». – Я решила не упоминать, что ансамбль был детским. – Пять лет. Я выиграла областной конкурс по бальным танцам.

Все это время Самир внимательно меня разглядывал. Нельзя сказать, чтобы мне это очень нравилось. Его пристальный взгляд словно разбивал меня на тысячу малень-

ких черточек. Отдельно – рот, нос, отдельно – руки, мочки ушей, волосы, талия, грудь. Но я понимала, что ни в коем случае нельзя показывать, насколько я смущена. Что же это за стриптизерка, которая трогательно краснеет, когда на нее, полностью одетую, смотрит всего один человек?

Что ж, первый экзамен я выдержала с блеском. Во всяком случае, Самир ухмыльнулся и сказал:

– Ладно, пойдем в зал. С шестом когда-нибудь работала?

– Нет... Но я... легко обучаемая.

– Если подойдешь, то с тобой поработает наш хореограф... Рожала?

– Что?

– Дети есть, спрашиваю?

– Нет, – улыбнулась я.

– Это хорошо. А то приходят тут с вислой грудью и растяжками на жопе, а я на них время тратить.

Его грубоватая фамильярность показалась мне оскорбительной. Терпеть не могу, когда мужчины так свободно говорят о женских интимных секретах. В другой ситуации я бы мигом поставила его на место. Только стоило ли начинать карьеру со ссоры?

– Пойдем, – скомандовал управляющий.

Мы долго шли по многочисленным коридорам, наконец он привел меня в главный зал клуба, который представлял собою полутемное просторное помещение без окон. В затемненных нишах располагались низкие столики и уютные крас-

ные диваны. Освещена была лишь сцена – небольшой круглый подиум с металлическим шестом посередине. В зале никого не было, наверное, клуб еще не открылся.

– Вот твое рабочее место, – усмехнулся управляющий, – если подойдешь, конечно. Хочешь у нас работать?

– Еще бы! – искренне воскликнула я.

– Похвально. Но тебе предстоит выдержать много экзаменов, прежде чем ты попадешь туда, – кивнул он на шест.

– Я выдержу, – с уверенностью, свойственной большинству дураков, серьезно сказала я.

– Твоя наглость мне нравится. Поэтому я и велел Фариху тебя пропустить. А если мне еще и твое тело понравится, тогда сможешь начать работать прямо сегодня.

– Я думала, что стриптизерки сначала долго репетируют, прежде чем их выпускают на сцену, – удивилась я.

Настала его очередь удивиться.

– А кто тебе сказал, что тебя берут стриптизеркой?

– Кем же?

– Пока будешь официанткой. Если я увижу, что ты нравишься клиентам, переведем тебя на шест.

– Но тогда при чем тут мое тело? – продолжала недоумевать я.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Варя Иванова из ансамбля «Светлячок». – Улыбались только его губы, глаза Самира оставались серьезными и внимательными. – Официантки у нас работают топлес. Будут еще вопросы или прой-

дешь на сцену и разденешься наконец?

Я поняла, что если рискну задать еще один вопрос обманчиво вежливому управляющему Самиру, то он развернется и уйдет, а меня вежливо выставят вон. Допустить такого я не могла, потому что у меня не было денег даже на метро. Конечно, информация о гологрудых официантках меня немного смутила. Однако заведение казалось таким солидным, этот клуб не был похож на публичный дом – правда, я ни одного публичного дома ни разу в жизни не видела. И потом, какая разница – танцевать голой у шеста или расхаживать по залу, разнося напитки? Выбора-то у меня все равно нет. Если я не хочу возвращаться в скучную теткинскую квартиру, придется подчиниться, понадеявшись на собственного ангела-хранителя.

На ходу расстегивая блузку, я прошла на сцену, прямо в освещенный прожектором круг. Странно, но я совсем не стеснялась. Может быть, потому, что свет слепил глаза и я не видела того, что происходит в зале? Не видела выражения лица Самира, не видела, смотрит ли на мое выступление кто-нибудь еще.

– Неплохо смотришься, – сказал Самир, – ребята, дайте музыку какую-нибудь. А ты потанцуй. И раздевайся.

Невидимые мне «ребята» включили тягуче-сладкую Меррайю Кэри. Я помедлила несколько секунд, соображая, с чего начать. В итоге решила вести себя естественно, как будто я не в стрип-клубе, а дома перед зеркалом танцую. Сколько раз

я крутилась под эту самую мелодию в ритме мамбо. Только дома мне, конечно, не приходилось снимать с себя блузку, но велика ли хитрость – медленно, одну за другой, расстегнуть пуговицы, спустить дешевые синтетические кружева с плеч, дразня жадного до зрелищ зрителя. Блузка полетела на пол, а я продолжала извиваться, одной рукой придерживаясь за металлический шест, который почему-то оказался теплым. На мне оставались дешевые джинсы с вытянутыми коленками и нарядный, но безнадежно застиранный лифчик. Я закинула руки за спину и ловко расстегнула бюстгальтер. Песня закончилась, музыка смолкла.

– Джинсы тоже снимать? – деловито поинтересовалась я.

– Не стоит, – рассмеялся Самир, – да, не ошибся я в тебе.

Бойкая девочка. Можешь одеться.

Я подняла блузку с пола. Красиво скинуть с себя одежду очень легко, но попробуйте оставаться сексапильной, застегивая многочисленные пуговички. Мои пальцы дрожали.

– Так я принята? Вы берете меня на работу официанткой?

– Беру на испытательный срок, – улыбнулся Самир. –

Кстати, клуб открывается через час. Не мешало бы тебе переодеться. Вон та боковая комната – гримерная. Там есть шкафчики, твой будет номер четыре. Твоя форма уже в шкафчике. Метрдотель объяснит тебе, что делать.

Самир передал мне прямоугольный плоский ключик.

– Наверное, нужен паспорт, чтобы меня оформить? Московской прописки у меня нет.

– Это я уже понял. Обойдемся сегодня без паспорта. Сказал же, на испытательный срок беру. Пару недель поработаешь без документов, если ничего не выкинешь, оформим тебя.

– А деньги? – растерялась я. – Я буду получать деньги? Мне же жить негде.

Он потрепал меня по плечу.

– Будут тебе деньги. Пока двести долларов. В неделю, конечно. Потом посмотрим.

Я недоверчиво на него посмотрела. Двести долларов в неделю? Восемьсот долларов в месяц? Мне? Обычной девушке, которая ничего не умеет делать? Это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

– Что смотришь? – Проницательный Самир заметил мое замешательство. – Это же Москва, дурочка. Здесь знаешь какие деньги крутятся? Наши официантки вообще получают полторы тысячи. А стриптизерки – четыре.

Я нервно сглотнула.

– А у меня есть шанс? Стать когда-нибудь стриптизеркой?

Самир расхохотался – впервые за весь вечер я слышала его искренний смех.

– Ну у тебя и хватка. Нет, ты мне определенно нравишься. Посмотрим, Варя Иванова. Думаю, что с твоими темпами ты здесь быстро всех на уши поставишь.

Он и сам в тот момент не подозревал, насколько был прав. Причем такой скорости «постановки всех на уши» прожжен-

ный Самир явно не ожидал.

– Новая корова в нашем борделе! – это было первое, что я услышала, войдя в примерную.

Перед зеркалом за столиком для грима сидела девушка, которая показалась мне ослепительной красавицей. Сейчас, спустя несколько лет, я понимаю, что в ней не было ничего особенного. Высокая блондинка слегка за двадцать, пухлые губки, высокие скулы, загорелая кожа, французский маникюр – короче, соблюдены все параметры евростандарта. Но тогда я была не избалована ежедневным созерцанием самых достойных образцов женской привлекательности, поэтому остановилась на пороге, ослепленная. Да, в моем городке таких холеных девушек не было.

Ей мое смущение явно польстило.

– Ладно уж, заходи, не стесняйся.

Примерная была оформлена не так шикарно, как помещения, предназначенные для зрителей. Довольно просторная комната, много зеркал, стоящие в ряд столики с косметикой, металлические шкафчики для одежды, автомат с питьевой водой.

– Чего встала, как на панели? Меня Алисой зовут.

Вот видите, даже имя у нее было не обычное, а сказочное – Алиса. Я положила сумку на один из стульчиков и украдкой поправила перед зеркалом волосы. На фоне загорелой блондинки Алисы я выглядела замарашкой. Даже странно,

что Самир принял меня на работу.

Честно говоря, от новых впечатлений у меня кружилась голова. Всего несколько часов назад я тряслась в мерзлом вагоне, а сейчас стою в гримерной шикарного клуба, с редкой красавицей разговариваю, и, кажется, у меня есть перспектива стать когда-нибудь такой же уверенной в себе и блестящей, как она.

– Меня – Варварой.

– Раньше я тебя здесь не видела. Да ты присаживайся, не стой.

Я послушно присела на стул. Алиса насмешливо меня рассматривала. Она была одета в кожаное платье мини пронзительно-голубого цвета. Наверное, это был ее рабочий костюм, но спросить прямо я постеснялась.

– Я здесь первый день работаю. Вообще-то меня только что приняли.

– Вот как? Кто принял? Самир?

– Да. Я буду работать официанткой, но потом, – при этих словах я немного приосанилась, – потом, возможно, меня повысят и переведут в стриптизерки.

Она расхохоталась:

– Нет, вы только послушайте! Повысят! В стриптизерки переведут! Слушай, а откуда ты вообще такая взялась?

Я вкратце рассказала ей печальную историю о том, как у меня украли пятьдесят долларов и как я явилась в клуб. Я еще не успела дойти до моего появления на сцене и умо-

помрачительного танца под Мерайю Кэри, как Алиса стала смеяться. Сначала она пыталась подавить смех и безуспешно старалась придать своему красивому лицу вид серьезный и понимающий. Получалось у нее плохо. Непослушные губы растягивались в усмешке, словно резиновые. В конце концов она махнула рукой на вежливость и засмеялась в голос.

– А что смешного-то? – обиделась я.

– Да нет, ничего, не обращай внимания. – Она повернулась к зеркалу и поправила челку. – А чего это ты вообще решила в Москву податься? Что, плохо платят в ансамбле «Светлячок»?

– А ты сама как думаешь? – разозлилась я. – А ты москвичка?

– Я с Украины, – лаконично объяснила она.

– Вот видишь! Сама же сюда приехала. – Вспомнив слова Самира, я с важным видом изрекла: – Это же Москва, здесь такие деньги крутятся.

– Да, вот только кому попало их не выдают, – усмехнулась Алиса.

– А ты тоже официантка? – рискнула поинтересоваться я.

– Нет, я танцую.

– Да ты что? – Я взглянула на новую знакомую с уважением. – И это правда, что здесь стриптизеркам по четыре тысячи баксов в месяц платят?

– Это тебе Самир сказал? Бывает и больше, – нахмурилась Алиса. – А бывает, что почти совсем ничего.

– Как это?

– Моя официальная зарплата сто пятьдесят долларов. Именно столько я получаю от клуба ежемесячно. Но хлеб стриптизерки – это приватные танцы.

– Какие танцы?

– Все тебе надо объяснять, деревня, – снисходительно усмехнулась она, – а мне, между прочим, еще гримироваться. Да и тебе не мешало бы переодеться. Если ты сегодня работать начинаешь.

Отругав себя за излишнюю болтливость, я направилась к шкафчику номер четыре. Самир не обманул – в шкафу ждала меня моя новая униформа. Собственно, к тому, что я увидела, сложно было применить это гордое определение. По размеру моя форма едва ли превосходила тряпочку для вытирания пыли. Крошечные красные трусики, состоящие из трех шнурков, и газовая красная мини-юбка, едва прикрывающая ягодички. Еще мне полагались туфли – тоже красные. Я прикинула их к ноге – немного великоваты, но не катастрофически.

– И это все? – спросила я у Алисы, которая с сосредоточенным видом подрисовывала коричневую родинку над верхней губой. – Вся моя униформа? Или они что-то положить забыли?

– Вся твоя униформа, – лениво ответила Алиса, – я, между прочим, вообще догола раздеваюсь. Так что тебе достался, можно сказать, целомудренный вариант.

Я повертела «целомудренный вариант» в руках и подумала, что в этом месте странные представления о скромности и пороке. Что ж, я знала, на что шла. Самир ведь честно предупредил, что официантки работают топлес. Что же я ожидала получить в качестве формы – бронежилет, что ли?

Я сняла джинсы и примерила юбчонку. Это была не юбочка, а иллюзия. Абсолютно прозрачная, дразнящая, вульгарная, но такая симпатичная. Я повернулась к зеркалу спиной – тонкая ткань едва прикрывала ягодицы. И в этом наряде мне предстоит разносить по залу напитки? Боюсь, от приступа паники мои щеки цветом сравняются с алой тканью. Но двести долларов в неделю... Да и деваться мне некуда.

Алиса время от времени с любопытством посматривала на меня в зеркало.

– Хорошо все-таки, что я приехала! – решила я завязать разговор. Все-таки мы теперь коллеги. Может, когда-нибудь красавица Алиса даже станет моей подругой. – Я и не ожидала, что все сложится так удачно в первый же день.

– А почему ты решила податься именно в стриптиз, если не секрет?

– Да мне тетка моя посоветовала, – честно призналась я, – я ничего делать не умею, да и найти работу в моем городе практически невозможно. Отца у меня нет, мать меня бросила, когда я еще была ребенком. Получилось, что я села на шею тетке, а ведь она уже немолода и так измотана. Она где-то прочитала статью о том, что стриптизерки хорошо зара-

батывают. А я же танцовщица. Почему не попробовать?

Алиса вздохнула и снова взялась за многострадальную родинку. Хотя, на мой взгляд, мушка и так получилась слишком яркой.

– Вот заработаю первые восемьсот долларов и половину сразу отправлю тетке. Если бы не она, я бы здесь не оказалась. Валялась бы себе на продавленном диванчике.

– Лучше бы ты на диванчике валялась, – еле слышно проворкотала Алиса.

– Что?

– Да нет, ничего, не обращай внимания.

«Странная девушка», – подумала я.

– Алиса, а ты здесь давно?

– Три года.

– Ничего себе! А тебя сразу взяли стриптиз танцевать или сначала официанткой?

– Сначала официанткой, потом на консумацию.

Да уж, пороком болтливости девушка явно не страдала. Или это была демонстрация светскости и собственного превосходства? Ну да, разве можно сравнить – шикарная блондинистая стриптизерка из Москвы (тысяча долларов в неделю) и бледная официантка черт знает откуда (денег нет даже на метро)? Что у нее может быть со мной общего? Наверное, именно поэтому вместо того, чтобы поддержать разговор, Алиса с преувеличенным вниманием изучала свое отражающееся в зеркале лицо. Как будто не это лицо видела

она каждый день. Как будто у нее собирались отобрать ее же физиономию, и она решила хорошенько запомнить ее напоследок.

Ну и не надо, решила я. Обойдусь и без задаваки Алисы. Наверное, в клубе работают и другие девушки. Подружусь с кем-нибудь из них.

Дверь приоткрылась, и в гримерную заглянул Самир. Я машинально прикрыла руками обнаженную грудь, но потом со смущенным смешком заставила себя опустить руки вниз. Стрип-клуб – не место для стеснительных. Мое тело отныне принадлежит не только мне. Это рабочий инструмент, с помощью красоты которого я непременно заработаю себе на красивую московскую жизнь. На золотой загар – такой, как у Алисы. И на кожаные красные сапожки – как у нее же. И на норковую невесомую на вид шубку, которая висит на спинке Алисиного стула. Как вы уже поняли, именно Алиса казалась мне воплощением того ненавязчивого шика, о котором я вдруг посмела мечтать.

– Что, впору пришелся костюмчик? – спросил Самир. – Выглядишь хорошо.

– Туфли чуть-чуть великоваты, – пожаловалась я и добавила, чтобы управляющий не счел меня капризницей: – Но ничего страшного, я уже к ним привыкла.

– Умница. Это только на первое время, завтра поговорю с костюмершей, и тебе подберут другие. А для стриптиза нужны вообще особенные туфли. Алиса тебе, наверное, уже все

рассказала.

– Не все, – не отрываясь от зеркала, буркнула Алиса.

– Я смотрю, вы поладили? – В его вопросе прозвучала угроза или мне просто показалось?

– Поладили! – радостно ответила я. – Глядя на Алису, мне тоже хочется скорее стать танцовщицей.

Самир рассмеялся:

– Всем бы такой пионерский задор, как у этой девочки... Ладно, Варя Иванова, отдыхай пока. Костюм не снимай, я тебя позову. – И управляющий ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

Почему-то его появление меня немного взбодрило. Самиру я явно нравилась – а разве не это самое главное? «Пой, Варенька, пляши, – беззвучно приговаривала я, – ты приехала в Москву одна, без денег и сразу же познакомилась с таким замечательным человеком! Который предложил тебе такую замечательную работу!» Я больше не могла светски бороться с бурлящим, словно крутой кипяток в закрытой кастрюльке, оптимизмом. Раскинув руки в стороны, я прошлась по примерке в зажигательном танце ча-ча-ча. Алиса наградила меня таким изумленным взглядом, словно я сделала что-то неприличное или шокирующее, например пописала на пол.

– Что это ты так развеселилась?

– Ничего не могу с собой поделаться! – Настроение у меня было таким хорошим, что я даже на ее снобизм злиться не могла. – Как ты не понимаешь, это же мой первый день в

Москве! Мой самый первый день! Я словно в сказке оказалась, это праздник, лучше, чем Новый год! Неужели ты сама не помнишь этого ощущения? Ты ведь тоже из провинции приехала?

– Помню, – слабо улыбнулась Алиса, – я долго мыкалась по каким-то съемным комнатам, почти полгода. А потом устроилась работать сюда. И пока я не приступила к самой работе, этот клуб тоже казался мне волшебным королевством. – Она резко замолчала.

Но и тогда ее пассаж не показался мне, дуре набитой, подозрительным.

– А что же случилось, когда ты приступила к работе? – радостно спросила я.

– Да ничего особенного. – Алиса опять зажалась и отвернулась к зеркалу, словно моральной поддержки у собственного отражения искала.

– А все-таки? Почему ты не хочешь говорить?

– Нет, я всем довольна, – изменившимся голосом сказала она, – отлично зарабатываю. Вот на прошлой неделе купила шубу. Норковая, четыре штуки стоит.

Я провела ладонью по гладкому светло-кофейному меху. В такой шубе любая замарашка сойдет за королеву красоты. Уютный «халатный» фасон, разрезы по бокам...

– Можешь примерить, если хочешь, – хмыкнула Алиса.

Странная девушка. Определенно странная.

Но примерить волшебно шикарную шубку я не успела.

Потому что в примерку опять заглянул Самир:

– Варвара, готовься. Макияж поправь. Минут через десять приду за тобой. А ты, Алиса, вперед на сцену. Первые клиенты уже появились, надо их разогреть.

Алиса лениво потянулась, потом одернула платье и в очередной раз поправила перед зеркалом прическу. Накинула на плечи длинный ультрамариновый шарф из страусовых перьев и походкой от бедра прошествовала к двери.

– Дура ты, Варя, – сказала она, перед тем как выйти. – Обманули тебя, как простушку. Развели.

– Это еще почему? – оторопела я.

– Да потому что никакой официанткой ты работать не будешь. Я, конечно, не имею права этого тебе говорить, но уж больно ты искренне радовалась своей новой московской жизни. Жалко мне тебя. Хотя изменить уже ничего не получится.

– Что ты несешь? – разозлилась я. – Откуда ты знаешь, что я не буду работать официанткой?

Алиса улыбнулась, но ее обильно подведенные серебряными тенями глаза оставались грустными.

– Да потому, что три года назад я попала на ту же удочку. Как видишь, выжила. И даже преуспеваю. Хотя работа эта грязная, ты не обольщайся. Четыре тысячи долларов за просто так здесь никому не дают.

– Постой... А что же со мной будет? Если я не буду работать официанткой, тогда кем же? – растерялась я. – Зачем

мне выдали этот костюм?.. Может, ты ошибаешься, и...

Алиса выглянула в коридор и, убедившись, что там никого нет, захлопнула дверь в примерную.

– Ладно уж, объясню тебе, идиотке, во что ты влипла. Походи сюда. Становись перед зеркалом. Вот так, рядом со мной.

Чувствуя себя полной идиоткой, я подчинилась странной просьбе. Мы с Алисой были примерно одного роста и телосложения. Но только увидев рядом наши зеркальные отражения, я поняла, насколько разительно отличаюсь от нее. Нет, она не была намного меня красивее. Не буду скромничать: от природы мне досталось неплохое лицо. Большие глаза, аккуратный прямой нос, рот, который в сентиментальной литературе принято называть чувственным. Но на фоне безупречно ухоженной Алисы вдруг стали видны все мои «потертости и шероховатости». Небольшой синяк на коленке. Не идеально ровная кожа на бедрах. Неаккуратно выщипанные брови. Прыщик на носу. Отросшие корни волос – кончики цвета красного дерева, а корни свои, каштановые. Но если бы над моим обликом несколько часов поработали косметологи и стилисты, то я стала бы ничуть не менее эффектной, чем она.

– Видишь? – спросила Алиса.

– Ты имеешь в виду мой целлюлит и мой синяк? – отбросив в сторону ложное кокетство, спросила я. – Но пойми, это же мой первый день в клубе. Конечно, когда я получу первые деньги, схожу в салон красоты. И стану такой же, как ты.

Алиса терпеливо улыбнулась и снисходительно покачала головой. У кого-то я уже видела подобное выражение лица. Кажется, так грустно улыбалась моя школьная учительница по алгебре, когда пыталась вбить в мою не обремененную лишними знаниями голову, чем отличается синус от косинуса.

– Ладно, тогда посмотри на это. – Она задрала вверх кожаную юбку, и я увидела ее упакованный в невесомые газовые трусики лобок.

Я даже присвистнула от изумления – до встречи с Алисой я понятия не имела о том, что такое интимная стрижка. Ее золотистые лобковые волосы были подстрижены в форме сердечка, а некоторые курчавые прядки выкрашены в розовый цвет. Золотисто-розовое сердце бесстыдно просвечивало сквозь трусики.

– Какая прелесть! – воскликнула я. – Ты сделала это просто так или это философская аллегория? Мол, путь к твоему сердцу лежит через...

– Путь к моему сердцу лежит через кошелек, – перебила Алиса, – и не я виновата в том, что стала такой. Но не в этом дело. А теперь давай посмотрим, что там у тебя.

– Ты хочешь, чтобы я тоже задрала юбку? – удивилась я. – Это что, детская игра в доктора? Покажи мне свою попу, а я тебе свою?

– Это, увы, не игра. И не в доктора. Кстати, у меня мало времени, Самир велел мне на сцену топать. Так что не тяни.

– Да ладно. – Я пожалала плечами и подняла юбку.

– Видишь? – насмешливо приподняла бровь Алиса. – Какой кошмар! Ты как снежный человек.

– Сама ты снежный человек, – обиделась я, – подумаешь, не успела эпиляцию сделать. И потом, сейчас в моде естественность.

– Но не в стрип-клубе, – жестко возразила она, – здесь всем нужны стереотипы. Грудастые блондинки, загорелая кожа, проколотые пупки, гладкие попки. А вот волосы на внутренней стороне твоих бедер никому не нужны.

Я обиженно одернула юбку.

– Не нравится – не смотри. Самир же принял меня на работу, значит, ему я пришлась по вкусу.

– Вот теперь мы подходим к самому главному! – торжественно воскликнула Алиса. – Как ты думаешь, почему Самир якобы не заметил твои синяки и лишние волосы?.. И неужели ты и правда думаешь, что тебе вместе с твоими синяками позволят расхаживать по залу? Показывать клиентам неуложенные волосы и неотбеленные зубы?

– Хорошо, тогда объясни мне, зачем весь этот маскарад?

– Ты танцевала в зале? Раздевалась?

– Ну да. Он предложил мне работать топлес, ему же надо было видеть мое тело.

– Дурочка, но почему он не мог посмотреть на твое тело в кабинете? Зачем он заставил тебя извиваться у шеста? Ясно же было, что танцевать стриптиз ты не умеешь! Зна-

ешь, сколько времени обучают девочек, прежде чем их на сцену выпустить? Пять месяцев! Пять месяцев по восемь часов каждый день! – Алиса говорила горячо и быстро, как помешанная. – Официанток тоже обучают пластике. А потом с ними работает психолог, их учат, как раскручивать клиентов на то, чтобы они заказывали напитки подороже! Как надо правильно трясти перед ними сиськами, чтобы они оставили в нашем клубе всю наличность!! А тебя вот так просто взяли с улицы и вперед, да?! Да тебя показывали очередному клиенту, балда!

– Что ты имеешь в виду? – От волнения у меня пересохла губы и сел голос. – Какому еще клиенту?

– Обыкновенному. Наш клуб оказывает и такие услуги, поняла?

– О господи! – До меня наконец дошло, что она имела в виду. Но верить красавице Алисе почему-то не хотелось. Хотя ее аргументы насчет моей запущенности прозвучали весьма убедительно. Я посмотрела на свои руки – она забыла это отметить, но маникюра у меня тоже не было. Аккуратно подстриженные ногти, розовые и круглые. А у самой Алисы ногти были длинными и острыми, как у птицы Феникс.

– Думаешь, почему тебя вообще пропустили в клуб? Вот так, с улицы? Это же самый дорогой клуб в Москве, сюда пачками лучшие девки страны каждый день приходят. И у всех с педикюром полный порядок. – Она насмешливо взглянула на мои ноги, и я инстинктивно поджала пальцы. – Да

ты же превратилась в посмешище, дуреха. Варя Иванова из ансамбля «Светлячок» с пятым размером груди.

– Ты и это знаешь? – опешила я.

– Когда ты подошла ко входу, в кабинете Самира сидел один из клиентов клуба. Знаешь, есть у нас такие, кто постоянно сюда шляется, заводит дружбу с менеджерами, и им все позволено. Так вот, ты ему приглянулась. Ему, а не Самиру.

Я потрясенно смотрела на нее и даже не знала, что ответить. А Алиса с невозмутимым видом продолжала методично разбивать на мелкие осколки мои розовые мечты о светлом московском будущем.

– Тебя бы сразу к нему отправили. Но клиент оказался привередливым. Ему захотелось рассмотреть тебя поближе. И Самир устроил представление с шестом. Ты старалась, а он в это время смотрел на тебя из кабинки звукооператора. Хочешь, скажу, что сейчас произойдет?

– Что? – почти прошептала я.

– Самир выдаст тебе поднос со стаканом и велит отнести его в комнату отдыха одному из уважаемых клиентов. В комнату отдыха, а не в зал. Ты придешь, а там тебя уже будут ждать меся любитель бедных овечек и его телохранители.

Мне вдруг стало так страшно, что спина вспотела. А в стрессовых ситуациях я всегда соображаю туго. Полуголая, замерзшая, с идиотским выражением лица, стояла я посреди гримерки и не знала, что надо сделать, чтобы спастись. И вдруг меня осенило – Алиса! Она же сама сказала, что с

ней в свое время поступили точно так же. Она-то ведь смогла найти выход! Значит, сможет подсказать и мне.

– И что мне делать? Что ты сделала, когда обманули тебя?

Неприятная усмешка искривила ее красивые, блестящие от розовой помады губы. Странное у нее было в тот момент выражение лица. С одной стороны, Алиса мне сочувствовала. С другой – создавалось впечатление, что ей нравится наблюдать мою растерянную, разочарованную физиономию.

– Ничего не сделаешь. Отсюда тебя уже не выпустят. Мой тебе совет – не рыпайся. Стерпи. И даже постарайся ему понравиться.

– С ума сошла?! С таким же успехом я могла согласиться стать вокзальной проституткой. Мне на Курском вокзале предлагали.

– Ты совсем идиотка или прикидываешься? Он же тебе заплатит хорошие деньги. На них в худшем случае ты сможешь снять квартиру и обеспечить себе по крайней мере месяц безбедного существования. А в лучшем – тебя оставят работать в клубе.

– Официанткой? – невесело усмехнулась я.

– Проституткой, – без улыбки сказала Алиса, – именно так я в свое время и попала сюда. Поработаешь несколько месяцев, сориентируешься. Пластика у тебя хорошая, тело тоже. Может, и танцевать возьмут.

– Какие жуткие вещи ты говоришь! – У меня в голове не укладывалось, что все это можно советовать с таким невоз-

мутимым лицом. И я знала наверняка, что пойти по стопам Алисы у меня не получится никогда. Не выдержу я этой грязи, сломаюсь, разобьюсь. Надо найти какой-нибудь другой выход. Но какой?

Подумать об этом я не успела, потому что в гримерную опять заглянул Самир. Он успел переодеться – на нем был модный строгий костюм без галстука. Верхние пуговицы рубашки расстегнуты – это придавало ему расслабленный и искушенный вид. Этаким усталый денди, утомленный ловелас. Для полноты образа не хватало только вяло дымящейся сигары в красивых темных пальцах. Кстати, управляющий Самир являл собою образец классической мужской красоты. Он был высок, плечист и отлично сложен. Его черные волосы вились, точно у падшего ангела. Портил впечатление лишь холодный взгляд, который совсем не шел к мягким чертам его смуглого лица. И усы – я не очень люблю усатых мужчин, хотя это, конечно, дело вкуса. Интересно, удобно ли это – целоваться с усатым мужчиной? Не царапаются ли усы? Не щекочут ли?

Стоп, Варвара. Что за бред – тебя собираются изнасиловать, а ты легкомысленно думаешь о смазливом мужике. Кстати, вот в этом я вся. В стрессовой ситуации мое сознание вечно переключается на подобные мелкие детали. Вместо того чтобы быстро думать о собственном спасении, я с идиотской улыбочкой размышляла о преимуществах и недостатках холеных усов Самира.

– Алиса, что это такое? – Он даже не повысил голоса, но было в его интонации что-то такое, что заставило меня вытянуться по струнке, как новобранца перед генералом. – Почему ты еще не в зале?.. Варя, идемте. Для вас есть работа. Надо отнести мартини нашему постоянному клиенту в комнату для отдыха.

Перед тем как, виляя бедрами, выйти из гримерной, Алиса взглянула на меня с красноречивой усмешкой – мол, что я тебе говорила? Мне показалось, что в ее глазах мелькнуло плохо скрываемое торжество. И только тогда до меня дошло, что Алиса втайне радовалась моему падению в тот мир, где красивые девушки в кожаных мини-платьях с неестественно бодрой улыбкой отдаются обладателям тугих кошельков за несколько сот американских рублей. Ее с самого начала раздражали моя оптимистичная вера в сытое будущее, и моя наивность, и моя свежесть, и мой восторг. И она обрадовалась, увидев мой затравленный взгляд. Именно для того, чтобы насладиться моим смущением и испугом, она и рассказала всю эту душещипательную историю об экстремальном способе выживания в лучшем эротическом клубе Москвы.

– Самир, я только глаза получше подведу и приду, хорошо? – улыбнулась я. Зачем я стараюсь тянуть время, какая разница, когда случится то, что напророчила стерва Алиса, – прямо сейчас или через пять минут?

– У тебя все в порядке с глазами, – не сдавался он, – идем, клиент уже ждет свой мартини.

– Ну как вы не понимаете, это же мой самый первый день, мне хочется быть лучше всех официанток. – Я с утроенным старанием изображала полную энтузиазма идиотку. И, должно быть, неплохо справилась с ролью, потому что управляющий, спрятав в усах усмешку, сказал:

– Ладно, загляну через две минуты. Две минуты, поняла, красавица? Время пошло.

Когда он вышел, я лихорадочно заметалась по гримерке. Что делать, что делать?! Подбежала к двери, выглянула в коридор. Возле тяжелой бархатной портьеры, отделяющей гримерные от зала, толпилась группа девушек в одинаковых серебряных шортах. Одна из них обернулась на звук открываемой двери, увидела меня и принялась что-то с ухмылкой рассказывать своим длинноногим коллегам. До меня долетели слова «Светлячок» и «пятый размер». Девушки рассмеялись.

В отчаянии я захлопнула дверь. Черт побери, Алиса права. Я нахожусь в этом заведении не больше двух часов, а уже успела превратиться в посмешище. Через две минуты за мной придет Самир. Я взглянула в зеркало. Глаза горят, волосы всклокочены, на носу сияет прыщ! Куда же я с такими данными полезла? Почему не могла сообразить самостоятельно, что прыщавых стриптизерок не бывает?! Но откуда мне было знать, что так оно получится. Я-то думала, что меня отправят в салон красоты, потом на занятия к хореографу и только потом выпустят к святым святым – шесту. Хоть из

окна бросайся. Я подошла к окну. Слишком низко для попытки суицида. Только ноги переломая, вот все посмеются! А может быть...

Я распахнула окно и выглянула вниз.

Ситуация такова. Третий этаж. Окна гримерной выходят на задний двор. Совсем недалеко от окна – на расстоянии вытянутой руки – обледеневшая пожарная лестница. На мне – алые трусики-стринг, невесомая прозрачная мини-юбка и туфли на огромных каблуках, которые к тому же мне безнадежно велики. В шкафчике номер четыре, запертом на ключ, лежит моя одежда – слегка помятая белая блуза и джинсы. Цигейковая шуба осталась в кабинете управляющего. Через две минуты за мной придет Самир. Он не будет больше ждать и вряд ли еще раз позволит мне остаться в гримерной одной. Одна минута уже прошла. За минуту я не успею надеть блузку и джинсы – это точно. На дворе – ранняя осень, но холодно так, словно зима с беспринципностью дальних провинциальных родственников решила нагрянуть в Москву пораньше. Зима такая же, как и я, – мы с нею обе здесь непрошенные гости.

Стоп. Долой лирику. Стоит ли пробовать вариант с бегством из окна? Что со мной сделают, если поймают? И далеко ли мне удастся убежать в полуголом виде? Я беспомощно оглянулась по сторонам.

На спинке Алисиного стула висела роскошная норковая шуба. Мой любимый фасон – а-ля восточный халат. Нежная,

невесомая, за пределами дорогая.

Глава 3

Словно какая-то неведомая сила толкала меня в спину, нашептывая – вперед! вперед! Я храбро перешагнула через подоконник и ногой нашарила ступеньку пожарной лестницы. Черт, как же неудобно исполнять подобные акробатические этюды в туфлях с десятисантиметровыми каблучищами! Хорошо еще, что я с ранней юности люблю каблук и чувствую себя на них довольно уверенно.

Обжигающе холодный ветер с изворотливостью опытного соблазнителя забирался под шубу. Я понимала, что движения мои должны быть медленными, осторожными и продуманными. Обратного пути нет, мосты сожжены. Я украла Алисину шубу, а это больше чем просто побег. Всего три часа новой московской жизни – а уже такой прогресс! Стала жертвой ограбления в метро, устроилась работать проституткой, сама о том не подозревая, и совершила преступление – кражу.

И вот я уже стою на лестнице и держусь мгновенно ооченевшими руками за верхнюю перекладину. Надо сказать, получилось у меня довольно ловко, словно я обладала солидным опытом покидания сомнительных заведений таким вот экстравагантным способом. Подумав, я протянула руку и захлопнула окно – пусть Самир решит, что, не дождавшись его, я вышла в коридор. Таким образом я выиграю несколь-

ко минут.

Холодный металл обжигал ладони. Я приготовилась осторожно ползти по лестнице вниз, но не успела сделать ни шагу. Дверь гримерной распахнулась – я слышала это так отчетливо, словно все еще находилась именно там. По полу простучали каблучки – я поняла, что Алиса вернулась со сцены. Сейчас она обнаружит пропажу шубы. И поднимет крик. Сейчас... Сейчас...

Алиса походила по комнате, остановилась, потом походила еще. Присела на скрипящий стул. Наверное, в зеркало смотрит, на личико свое ненаглядное – не без сарказма подумала я. Я замерла, вжалась в лестницу, я боялась ползти вниз. Если я так хорошо слышу, что делает в гримерной Алиса, значит, и ей будут слышны мои телодвижения. Почему она до сих пор не заметила отсутствие своей любимой шубы?

Наверное, я обладаю скрытыми экстрасенсорными способностями. Потому что не успела я об этом подумать, как над моей головой раздался крик:

– Самир!!! Моя шуба!!!

Я вздохнула и переползла на несколько ступенек вниз. Ретироваться под звуки набирающего обороты скандала куда проще, чем воевать с металлической гремящей лестницей в полной тишине. Я услышала, как дверь гримерной распахнулась, услышала топот мужских ботинок – наверное, то были модные «казаки» Самира. Приглушенный голос, несомненно, принадлежал управляющему.

– Успокойся, дура, – сказал Самир, – чего разоралась? Где Варвара?

– Она смылась! – визжала Алиса. – Сбежала! И шубу мою прихватила, уголовница! Предупреди охрану, она же не могла уйти далеко!

– Куда она могла сбежать? Ты ненормальная. Наверное, в туалет захотела или в зал вышла.

– Ага, в моей шубе?! Что она, без шубы не могла поссать сходить?!

– Заткнись. Девчонка первый день работает. Наверное, постеснялась голой в коридор выходить, а одеваться поленилась. Вот и накинула твою шубу.

Неожиданно меня разобрал смех, и это было совсем некстати. Представьте себе полуголую девицу в развевающейся на ветру расстегнутой шубе, висящую на пожарной лестнице в трех метрах от земли. Волосы ее растрепаны, косметика поплыла, а эта дура сотрясается от беззвучного хохота. Молодец Самир! Его версия мне определенно пришлась по душе. По крайней мере, на ее разработку уйдет минут пять, за это время я успею выбежать на улицу и остановить такси. Правда, чем я буду расплачиваться? И куда поеду? Учитывая, что Самиру известно мое настоящее имя, город, откуда я приехала, и название ансамбля, в котором я танцевала несколько лет? Но все эти вопросы были второстепенными. Чтобы приступить к их обдумыванию, я должна была как минимум отсюда убежать.

Я ускорилась. Мне уже не было слышно, о чем именно говорят в гримерной Самир с Алисой. Я напряженно всматривалась в темноту, пытаюсь решить: куда бежать? До земли оставалось всего несколько ступенек. И в тот момент, когда я уже приготовилась, сгруппировавшись, спрыгнуть вниз, над моей головой распахнулось окно.

– Говорю тебе, она же наверняка там! – услышала я визгливый Алисин голос. – Через окно смыться решила в шубе моей.

Я втянула голову в плечи и прижалась к ступенькам. Хорошо, что лестница не освещалась. Они не должны были меня заметить.

– Я сейчас охране сообщу, – объявил Самир, – в любом случае никуда она не денется. А ты все-таки посмотри в туалете.

Голоса стихли. На всякий случай я выждала еще несколько секунд, а потом, мысленно перекрестившись, спрыгнула на землю и опрометью бросилась прочь.

Вы думаете, это так легко – остановить такси, если на тебе шикарная шуба и алые лаковые туфли? Я без проблем добралась до ближайшей оживленной улицы, которой оказалось какое-то шумное шоссе. Встала на обочине и подняла руку. Но вожделенные желтые машины с шашечками почему-то проезжали мимо меня, несмотря на то что были пусты. Через несколько минут я начала нервничать. В конце концов,

от клуба я ушла недалеко, возможно, меня будут искать, не исключено, что охранники доберутся и до этого шоссе. А я никак не могу уехать.

Когда возле меня притормозила машина – темно-вишневый новенький «Сааб», я была готова расцеловать водителя – хмурого кавказца, с любопытством взглянувшего на меня из-под густых, с легкой проседью, бровей.

– Мне надо уехать отсюда. побыстрее! – Замерзшие губы отказывались слушаться.

– Сто пятьдесят, – равнодушно бросил он.

– Я вам потом все объясню. – Я нырнула в спасительно теплый салон. – Умоляю, поехали.

– Сто пятьдесят на всю ночь, – уточнил он, – а то знаю я вас, пару часиков поработаете – и до свидания. И учти, я люблю анальный секс.

Я даже вспотела, когда поняла, что он имеет в виду. Странное это ощущение – губы посинели от холода, пальцы превратились в ледышки, а на спине танцуют струйки пота.

– Но я не проститутка! Мне просто надо уехать! Вы не понимаете, меня ограбили! За мной гонятся. – Я сама понимала, насколько неправдоподобно звучат мои слова. Девушка в шубе и алых открытых туфельках на босу ногу, ярко накрашенная, без сумочки, ловит машину поздним вечером на оживленном шоссе. Ну что еще он мог подумать?

Он вздохнул, перегнулся через меня, открыл дверцу «Сааба» с моей стороны и спокойно сказал:

– Проваливай, дешевка. Еще истеричек мне не хватало! Истеричка у меня жена.

Я выбралась из машины и растерянно огляделась по сторонам. Больше всего на свете мне в тот момент хотелось оказаться в теткиной пропахшей борщами и консервированными соленьями квартире. Залезть в облупленную ванну, наполненную горячей водой, закрыть глаза. И чтобы на табуреточке возле ванны стояла чашка дымящегося кофе и бутерброд с маслом и сыром. Мне всегда нравилось в ванной есть – такая вот странная привычка с детства. Тетка меня за это почему-то ругала – хотя я не понимаю, что в этой странности плохого? Так вот, я бы наворачивала бутербродик и расслабленно мечтала о том, как когда-нибудь приеду в Москву и стану известной танцовщицей. И будет у меня нежно-розовый, как у Барби, лимузин и два телохранителя за спиною. Я буду взрослая и шикарная, счастливая, красивая, шальная.

И вот я, взрослая и красивая, в шикарной норковой шубе, которая не принесла мне счастья, скорее наоборот, в туфлях с открытыми пальчиками, стояла посреди незнакомого мне равнодушного зимнего города и не знала, что делать. Стоило мне подумать о толстом бутерброде с сыром, как желудок ворчливо потребовал своего. Я вспомнила, что последний раз ела в поезде. Классический завтрак путешественника, которым снабдила меня заботливая тетка, – вареная картофелина, соленые огурчики и шоколадная конфета.

– Эй, девчонка, прыгай сюда! – Взвизгнув тормозами, пе-

редо мной остановилась заляпанная грязью «девятка». За рулем – молодой улыбчивый парень в немодной кожаной кепке, на заднем сиденье еще двое. И все, смеясь, смотрят на меня.

– Извините, – пробормотала я, отступая на несколько шагов.

– Замерзла небось! – посочувствовал он. – Ну иди к нам, дорогая! Мы тебя накормим!

– И напоим! – Мужчина, сидевший за спиной водителя, продемонстрировал мне початую бутылку водки.

– Не бойсь, все по высшему разряду. И хата у нас своя есть. И заплатим, не обидим.

Я молча развернулась и пошла прочь, в темные дворы. Остаться на освещенном шоссе опасно, я слишком заметна.

И похоже, в этом городе мне никто не станет бескорыстно помогать.

Замерзла я так, что перестала чувствовать собственные ноги. Зубы отбивали чечетку, меня колотило, а вокруг были незнакомые темные дворы, чужие дома.

Я вошла в первый попавшийся подъезд – там хотя бы должна быть батарея. Погреюсь, обдумаю все спокойно. Светлый чистый подъезд встретил меня спасительным теплом. Но радость моя оказалась преждевременной: не успела я осмотреться по сторонам, как на меня, точно бойцовский петух на чужака, налетела воинственно настроенная

консьержка.

– Вали отсюда, прошмандовка! – с ходу начала она, даже не попытавшись разобраться, почему красиво одетая девушка оказалась в чужом подъезде в таком виде.

Бойкая старушенция – синькой крашенные волосы, белые маленькие глазки, крепко сжатые кулачки в пигментных пятнах.

– Но я вовсе не...

– Здесь приличный подъезд, а не общественный туалет, – перебила она. – Проваливай, пока я милицию не позвала!

– Мне бы только погреться...

– В другом месте грейся, шалава! – отрезала вредная бабка, и я поняла, что спорить с ней бесполезно. Лучше попытаться счастья в другом подъезде.

Но агрессивно настроенные консьержки, будто клонированные с синеволосой вредной бабки, поджидали меня в каждом подъезде, в который я заходила в поисках тепла. Может быть, их по этому принципу набирают на работу? Так, ваши волосы крашены синькой, вы лаете, как злобный бродячий пес, вы бессердечны и умеете тупо настоять на своем, не желая выслушивать разумные аргументы? О'кей, вы нам подходите, будете работать консьержкой.

Толкая дверь очередного подъезда, я действовала машинально, не рассчитывая на удачу. Как же подпрыгнуло мое сердце, когда я увидела, что будка охранницы пуста! Дверь открыта, в стеклянной будочке горит свет, на столе лежат оч-

ки в пластмассовой оправе и газета. А самой бабки нет! Наверное, в туалет вышла. Опрометью я бросилась по лестнице вверх. Откуда только силы взялись? Остановилась я только на площадке между четвертым и пятым этажом. Села на корточки, пытаясь успокоить разбушевавшееся дыхание, замерла. Вот, еще один барьер взят. Я не замерзну на улице, не отморожу ноги.

Несмотря на то что в подъезде было относительно тепло, я никак не могла согреться. В конце концов я решила, что сидеть на корточках в ожидании появления очередной синеволосяй гарпии, которая с позором выставит меня вон, глупо. Никаких других перспектив я не видела. Поэтому решила выжать из этого подъезда по максимуму – хотя бы согреться. Я поднялась с пола, потрясла затекшими ногами, привычно размяла руки. Что может согреть лучше танца? К тому же это единственное, что я умею делать.

Танцевала, как ни странно, с удовольствием. Может быть, окончательно сошла с ума? Придерживаясь одной рукой за высокий подоконник, чтобы не потерять равновесие, я весело взмахивала ногами. Взмах, поворот, зажигательное вращение бедрами, еще взмах, руки вскинуть вверх, на манер танцовщицы фламенко. Танец – это волшебство, танцующему все нипочем. И вот мне уже жарко (жаль, что нельзя скинуть шубу, в мои планы не входит стриптиз), и на моем лице цветет улыбка – вы никогда не замечали, что почти все танцовщики лучезарно улыбаются во время своих выступ-

лений? И это не та неестественная улыбочка, которой одаривают зрителя культуристы, нет, наша улыбка солнечная, и идет она от самого сердца. Взмах ногой, шаг вперед, плечи отводим назад. Какая чудесная импровизация, нечто в латиноамериканском стиле, под музыку, которая была слышна только мне.

И я настолько увлеклась этой музыкой, звучащей внутри, что не заметила, как у меня появился изумленный зритель. И опомнилась, только когда он окликнул меня:

– Девушка! Что это вы тут делаете?!

Я остановилась как вкопанная. Так, наверное, чувствует себя злостный прогульщик, пойманный строгим учителем математики на заднем дворе школы с дымящейся сигаретой в руке.

Обреченно вздохнув, я плотнее запахнула шубу, обернулась и не смогла сдержать возгласа изумления. Передо мной стояло странное существо неопределенного пола. Откуда мне, провинциальной девчонке, было тогда знать, как выглядят люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией? Нет, конечно, телевизор я смотрела и газеты почитывала... Но все равно растерялась.

Скорее всего, существо, привлеченное моим странным танцем, являлось мужчиной. О его принадлежности к сильному полу свидетельствовал довольно высокий рост и рыжеватая щетина на щеках. Однако его слегка выпуклые глаза бутылочно-зеленого цвета были едва заметно (но заметно

все-таки!) подкрашены, вещи, в которые существо было одето, вполне могли принадлежать какой-нибудь искушенной кокетке. Облегающие джинсы с ярко-красной вышивкой, белая футболочка с изображением Микки Мауса на груди, золотые тапочки на небольших каблуках.

– Ой! – Я зажала ладошкой рот. Все неизвестное пугает.

– Кто вы? – требовательно поинтересовалось существо.

– Меня зовут Варвара, – честно ответила я.

– Вилли, – жеманно представился он (она? оно?!). – И что же вы тут пытаетесь изобразить?

Я решила не юлить и ответить честно. Да и не было у меня заранее припасенной убедительной лжи. Это существо в смешных золотых тапочках по крайней мере пожелало наладить со мной контакт. Кто знает, вдруг моя слезная история его разжалобит, и оно поможет мне добраться до вокзала и даже одолжит денег на обратный билет?

– Все равно вы мне не поверите, – устало вздохнула я, – но меня ограбили. Я в Москве первый день. Идти мне некуда. Денег нет. Даже одежды нет. – Я старалась говорить легкомысленно, но голос предательски дрожал от жалости к самой себе. – И я не знаю, что делать. А в ваш подъезд зашла, чтобы согреться. Если помешала, можете позвать консьержку. Она меня съест.

– Любопытная история. – Он неуверенно улыбнулся. Все же это был мужчина, такой низкий голос едва ли мог принадлежать даме. – Интересно получается. Вас ограбили, да-

же одежду сняли. А шубка осталась при вас. Избирательные воры, не находите ли?

– На самом деле все гораздо сложнее. – Я почувствовала, как к лицу приливает свекольный румянец. – Эту шубу я украла... Но, конечно, собираюсь ее вернуть.

– У меня сейчас голова от ваших путаных объяснений закружится. Вот что, если хотите, могу предложить вам чай. А там разберемся.

– За чай большое спасибо, – улыбнулась я, – только прошу учесть, что интимных услуг я не оказываю.

Он посмотрел на меня как-то странно, и я поняла, что сморозила глупость. К тому моменту я уже догадалась, что передо мной человек, для которого женщина сексуальным объектом отнюдь не является.

– А мне и не надо. Ладно, проходите... Как вас там? Варвара? Необычное имя.

Он впустил меня в прихожую. В квартире существа душно пахло восточными благовониями. Признаюсь, я немного оробела. Никогда раньше мне не приходилось бывать в таких стильно обставленных квартирах. В моем городе все квартирки выглядели одинаково – на стене с вытертыми обоями висел ковер веселенькой расцветки, в стареньком серванте гордо поблескивал хрусталь (на худой конец, стояла деревянная посуда в стиле «хохлома»). Стены в квартире жеманного Вилли были выкрашены в хирургически-белый цвет, паркет же был черным. Белые шторы и черная мебель. Белая ваза,

а в ней – засушенные черные розы. Черная деревянная кошка в углу. По черному низенькому дивану хаотично разбросаны белые подушки. И только плакаты, висящие на стенах, несколько выбивались из общей цветовой гаммы. На них был изображен хозяин квартиры с микрофоном в руке.

Вилли перехватил мой взгляд и не без гордости пояснил:

– Да, это я. Я эстрадный певец. Меня зовут Вилли Федоркин. Может быть, слышали?

Я никогда о Вилли Федоркине не слышала, но в его вопросе было столько требовательной надежды, что я, нахмурившись, ответила:

– Да, кажется, слышала что-то такое.

– Правда? – Он трогательно обрадовался. – Да вы раздевайтесь, раздевайтесь.

– Понимаете, под шубой у меня действительно ничего нет, – смущенно кашлянула я, – сейчас я вам все объясню.

– Ну, вы, похоже, и попали в историю. Ладно, сейчас дам вам что-нибудь.

Он скрылся в комнате и появился через несколько минут с длинной розовой футболкой в руках:

– Вот все, что смог найти. Можете в ванной переодеться. А я пока сделаю чай. Вы какой предпочитаете, черный или зеленый?

– Предпочитаю горячий, – рассмеялась я, не веря своему счастью. Все-таки есть и в Москве настроенные на сочувствие люди! Он так безоговорочно поверил моей бредо-

вой истории. Он не сомневаясь впустил меня в свой дом. А вдруг у меня под шубой пистолет спрятан? Заткнут за резинку чулка, как у роковых ослепительных убийц из эротических триллеров? Ну да, Варвара, размечталась. Не тянешь ты, милая, на роковую стерву с пистолетом в чулках, никак не тянешь. Да и чулок, если уж на то пошло, на тебе нет.

Я удалилась в ванную, чтобы переодеться. Что это была за ванная! Просто музей косметического искусства! Я насчитала шестьдесят три парфюмерных флакончика, а потом просто сбилась со счета. Вот бы все это богатство принадлежало мне!

– Варвара! Скоро ты там? – занервничал гордый обладатель душистых сокровищ.

– Иду, уже иду, – успокоила я его.

Футболка доставала мне до колен, как будто она принадлежала какому-то великану или капитану сборной страны по баскетболу.

Вилли Федоркин ждал меня в черно-белой гостиной. На черно-белом журнальном столике, являющем собой знак «инь-ян», уже дымился пахнущий жасмином чай. К чаю он подал тарелочку с кривовато нарезанной колбасой, шоколадное печенье в вазочке и блюдечко с фисташками.

– Больше ничего нет, – смутился он, – я соблюдаю диету.

Я насмешливо на него взглянула. На мой взгляд, данному экземпляру не помешало бы набрать пару килограммчиков.

– И не надо иронизировать, – обиделся он, – моя профес-

сия обязывает следить за собой. Вы знаете, что камера полнит на восемь килограмм? Но это сейчас неважно. Варя, мне все же хотелось бы выслушать вашу историю. И если можно, не врите.

Мужественно справившись с искушением наброситься на вкусно пахнущую колбасу, я интеллигентно стянула пару орешков и приступила к рассказу. По мере того как мое повествование набирало обороты, лицо Вилли вытягивалось. Я решила, что его дружелюбие заслуживает моей честности. Не стала привирать и приукрашивать. Просто рассказала все как есть. И про кражу шубы упомянуть не забыла. Когда я закончила, Вилли не проронил ни слова. Воспользовавшись затянувшейся паузой, я все же рискнула взять с тарелки несколько кусков колбасы. Бог мой, как же вкусно! Такое впечатление, что я не ела неделю. Или это колбаса у него какая-то особенная, дурманящая?

– Шубу надо вернуть, – наконец сказал он, – если шуба вернется в клуб, то у них не будет никаких к вам претензий. И вы сможете остаться в Москве, не волнуясь о том, что вас будут искать.

– Как же я останусь в Москве? – всплеснула руками я. – Мне жить негде. И денег у меня нет... Да ты и сам все знаешь... То есть вы.

– Думаю, можем перейти на «ты». Раз уж ты сидишь в моей квартире голая, – усмехнулся он. – Денег дать я тебе не могу, у самого мало. А вот помочь с работой... – Вилли

задумчиво на меня посмотрел.

– Проституткой я работать не буду! – перепугалась я. Не понравился мне этот пристальный взгляд, ох как не понравился.

– А кто тебе это предлагает? – изумился он. – Я, как ты уже знаешь, певец. Пока не известный, но у меня очень хороший продюсер. Олег Токарев. Толковый мужик, он собирается меня раскрутить. Мы уже сняли первый клип и много колесим с гастроями по стране. Это наш основной хлеб. Конечно, пока ничего серьезного. Концерты в полупустых провинциальных ДК. Но на жизнь хватает. А зимой мы даже собираемся в Европу. Выступать перед нашими эмигрантами. В Лондон, Мюнхен, Париж...

– Париж... – мечтательным эхом прошелестела я.

– Так вот, мы давно подумываем о том, чтобы взять в группу танцовщицу. А лучше двух. Знаешь, девушку на подтанцовках. Которая плясала бы на заднем плане, пока я пою.

– Да знаю я, что такое девушка на подтанцовках, – усмехнулась я. – Ты это серьезно? Я была примой в нашем ансамбле.

– Видел я твой танец в подъезде. Знаешь, мне понравилось. Есть в тебе что-то, Варя. Какой-то огонь. Конечно, технику надо отточить, но природной грациозности научить невозможно. А это в тебе есть... Короче, не хочешь поработать с нами? К тому же у тебя такая необычная судьба, на этом можно было бы рекламу в свое время сделать.

Мое сердце заколотилось, точно пойманный голубь в грубых ладонях. Так всегда бывало, когда я предчувствовала победу.

– Ты еще спрашиваешь! Конечно, хочу!

– Платить много мы тебе не сможем. Двести долларов для начала, потом посмотрим.

– В неделю? – наивно уточнила я.

Вилли Федоркин посмотрел на меня так, словно я потребовала обеспечить меня личным авто с шофером-блондином, мобильным телефоном и золотой кредитной карточкой «Виза».

– В месяц. Я поговорю с Олегом, моим продюсером, и первую зарплату тебе дадут авансом. На эти деньги сможешь снять жилье... Кстати, насчет квартиры. У меня есть одна шапочная знакомая, манекенщица. Так вот, ей не по карману снимать жилье одной. И она ищет компаньонку. Думаю, ты бы ей подошла.

Я потрясенно молчала.

– Так что ты обо всем этом думаешь, Варя?

– У меня просто слов нет! Знаешь, кажется, я опять начинаю верить в везение!

Глава 4

Манекенщица Зина Карнаухова, с которой мне предстояло делить квартиру, не понравилась мне с первого взгляда. Я ей – нетрудно догадаться – тоже. Почему-то мне всегда казалось, что все манекенщицы – хрупкие заоблачные красавицы, в присутствии которых хочется расправить плечи, втянуть живот и грустно сказать себе, замарашке, что внешность – это все-таки не самое главное. Зина же казалась вполне земной. Она была похожа на больную двусторонней пневмонией. Высоченная, тощая, безгрудая, немного длинноногая, Зинка ярко красилась и носила черные обтягивающие платья. Почему-то ей казалось, что в этих платьях она выглядит стильной, как голливудская красавица пятидесятих годов. В ее гардеробе я насчитала восемь примерно одинаковых платьев цвета крымской ночи. В них она выглядела еще выше и еще худее.

– Я модель, – томно представилась она, беззастенчиво меня разглядывая.

Наверное, ей было чему удивиться. Моя сумка с немногочисленными пожитками осталась в клубе «90-60-90». В первые месяцы московской жизни у меня даже одежды не было. Жалостливый Вилли Федоркин подкинул мне кое-что из своего гардероба. Как я уже заметила, он, к сожалению, испытывал слабость к ярким цветам и экстравагантным фасо-

нам. С его легкой руки я стала обладательницей оранжевых джинсов, нескольких облегающих футболок из репертуара классического фрика, растрепанной белоснежной шубки из искусственного меха. Естественно, Зинаиде, не вылезавшей из своих жутких черных нарядов, я казалась непоправимо вульгарной.

– Я танцовщица, – весело отрекомендовалась я новой соседке.

– Думаю, я надолго не задержусь в этой квартире, – протянула она, – у меня намечается несколько выгодных контрактов. Надеюсь после Нового года уехать в Париж.

Когда она впервые это сказала, я ей, признаюсь, немного позавидовала. Откуда мне тогда было знать, что похожая на узника Освенцима Зинка собирается в Париж каждый Новый год – и пока ни разу в столице европейской моды не побывала.

Но тогда мне, наивной, она казалась почти звездой. Ее жизнь была так не похожа на мою. Хотя Зинка тоже в свое время приехала в Москву издалека. Восемь лет назад она выиграла провинциальный конкурс красоты, подписала контракт с модельным агентством и приехала покорять столицу. Пока Москва осталась вершиной непокоренной, но Зина с упорством альпиниста продолжала невозмутимо карабкаться вверх.

Моя соседка отчаянно хотела прослыть особой светской. Она постоянно моталась на какие-то вечеринки, она непри-

нужденно упоминала названия самых модных закрытых клубов, она жонглировала именами звезд в уменьшительно-ласкательной интерпретации («Вот мы давеча с Андрюшей Макаревичем...» или «Ужас, в гостях у Славки Зайцева так напилась»). И я верила, что моя соседка и в самом деле знакома с вышеупомянутыми персонами.

Жили мы с Зинкой в однокомнатной норке на 16-й Парковой улице. Я спала на продавленном, скрипящем диване, Зинаида ютилась на раскладушке, которая была ей мала, – наверное, создатели этой разновидности мебели и не подозревали, что на раскладушке когда-нибудь будет спать высокая без пяти минут топ-модель.

Зинка была жуткой неряхой. Не представляете, как это меня раздражало. Строгая тетка приучила меня к порядку – она отчитывала меня даже за оставленный в раковине стакан. Зина же вообще, кажется, не подозревала, что посуду необходимо хотя бы иногда мыть. Она разгуливала по квартире в уличных туфлях. Сток в раковине был забит ее крашенными в гламурно-белый цвет волосами (от краски волосы у Зинки совсем испортились и выпадали пучками). Раздеваясь, она бросала одежду прямо на пол. Сколько раз, проснувшись, я с отвращением наблюдала такую картину: Зинаида ползает по полу в поисках колготок. Вытащив из кучи несвежего тряпья очередные, она подозрительно обнюхивает капроновые пятки, пытаясь таким способом определить степень изношенности колготок. Сколько раз я пыта-

лась ее воспитывать – все без толку. Нет, она не пыталась специально меня разозлить. Она искренне недоумевала, почему я возмущаюсь. «Оставила на кухонном столе грязные трусы? Подумаешь, я же выпила много, лень было стирать. Да ладно тебе, Варька, не дуйся, не будь занудой!»

Зинаида вела богемный образ жизни – спала до полудня и тусовалась ночи напролет. Работала она далеко не каждый день. Иногда, правда, вскакивала с утра пораньше, чтобы отправиться на очередной кастинг. Но вообще-то моя соседка в модельном мире особенным успехом не пользовалась. В основном ее ангажировали для показа одежды в ночных клубах – работа необременительная, но малооплачиваемая и непрестижная.

Я казалась Зинке рабочей лошадкой.

Не прошло и двух недель, как я осознала смысл Алисиных слов о том, что в Москве ничего не дается задаром. Вилли Федоркин познакомил меня со своим продюсером Олегом Токаревым. Меня приняли в группу и положили оклад двести долларов. Сначала я обрадовалась, деньги казались огромными. Однако первая же вылазка в московские магазины несколько охладила мой пионерский пыл. Я с грустью поняла, что превратиться в светскую модницу в ближайшее время у меня не получится. Да и времени модничать у меня не было. У Вилли Федоркина был жесткий график репетиций, к которому я долго не могла привыкнуть. Каждое утро в десять часов я должна была являться в специально арен-

дованный танцкласс, где со мной и Вилли занимался хореограф. Через два месяца меня впервые выпустили на сцену. Произошло это в задрипанном окраинном клубе, где Вилли Федоркин пел в сборном концерте.

А потом в нашей группе появилась еще одна танцовщица – Наталья, о которой я вам в подробностях расскажу немного позже. Она была особой настолько колоритной, что вполне заслуживает отдельной главы.

Итак, моя жизнь наконец устаканилась. Я осела в Москве, у меня были работа и квартира, постепенно я обзаводилась новыми вещами и новыми привычками. Я перестала бояться метро. У меня появились друзья. Иногда меня даже приглашали на какие-то светские мероприятия. Почти каждый месяц я почтовым переводом посылала тетке деньги. Она ни разу не выразила желания навестить заброшенную родственницу. Да и мне совсем не хотелось возвращаться домой. На праздники мы обменивались красочными открытками с ничего не значащими пожеланиями – тем наше общение и ограничивалось.

Вилли Федоркин не обманул – мы действительно поехали на гастроли по Европе. Не знаю, насколько его песни могли заинтересовать эмигрантов. Я же еще ничего не рассказала о репертуаре Федоркина, который был весьма специфическим. Чего стоят только названия композиций – «Первый аборт», «Твой двойной оргазм», «Целлюлит». Я искренне не понимала, кому может быть интересен этот псевдоюмор ни-

же пояса, но у Вилли время от времени даже объявлялись какие-то поклонники. Правда, он пока и близко не подошел к желанному статусу звезды.

А на европейских гастролях я познакомилась с мужчиной, который испортил всю мою дальнейшую жизнь. Но и об этом немного позже.

Прошло два года. Вот что представляет собой моя жизнь в данный момент. Я по-прежнему танцую в группе Вилли Федоркина – он так и не стал звездой, но все еще надеется на это. И по-прежнему живу в квартирке на 16-й Парковой улице с манекенщицей Зинкой, которая так ни разу и не побывала в Париже.

О нашем коллективе стоит рассказать отдельно. Разумеется, главной персоной в нем является Вилли Федоркин, все остальные относятся к его немногочисленной свите. Вилли – жеманный блондин лет тридцати, самая большая жизненная трагедия которого – ранняя лысина да маникюрша-идиотка, случайно порезавшая ему палец. Он любит томно рассуждать о новой прическе певицы Мадонны и моде на пирсинг пупка. Я отношусь к Вилли немного снисходительно, несмотря на то что именно ему я обязана своей неплохо сложившейся жизнью.

Вилли любит привлекать к себе внимание немислимыми нарядами (видимо, потому, что больше ему выделитьсяся

нечем). Оранжевые штаны с блестками, прозрачные рубашки, блестящие лакированные ремни с пряжками в виде готовых к поцелую губ, какие-то немыслимые разноцветные кардиганы. За глаза мы называем Федоркина «Пидоркин». Надеюсь, не надо объяснять почему.

На самом деле Вилли такая же наемная рабочая сила, как и я. Заправляет карьерой Пидоркина продюсер Олег Токарев, невысокий брюнет с загорелым подвижным лицом, чем-то смахивающий на Адриано Челентано. Цепкий, талантливый бизнесмен, он мог бы, наверное, добиться фантастических высот, если бы в свое время прочно не подсел на кокаин. Я не сразу догадалась о том, что мой работодатель – наркоман. Сначала Олег показался мне просто необыкновенно веселым и жизнерадостным человеком. Меня он приветствовал словами: «Какая красавица! О, как хорошо, что ты нашел эту девушку, Вилли!! Это же самая лучшая девушка на свете!!!» Я даже немного смутилась от такой искренней демонстрации дружелюбного отношения. Каково же было мое удивление, когда на следующий день Олег едва поздоровался со мной, а на мой невинный вопрос: «Как дела?» – рывкнул в ответ: «Ты что, не видишь, что я занят, мать твою?!» И только потом Вилли объяснил, что эмоциональное состояние Олега Токарева напрямую зависит от наличия денег на «кокс». Есть наркотик – он весел и игрив, как щенок лабрадора. Нет наркотика – у него черная депрессия.

Наверное, именно стойкая зависимость от «веселящего

порошка» и вселила в продюсера непоколебимую веру в большое будущее творческой единицы под названием «Вилли Федоркин». Лично на мой взгляд, «песнопения» спасшего меня Вилли озадачили бы даже склонных к анархизму подростков. Уж слишком физиологичны его тексты. Но Токареву нравится, вот и находит он спонсоров на очередной федоркинский клип.

Кордебалет – это я и еще Наташка, которую приняли в группу на вакансию моей полной противоположности. Я брюнетка, а она – ожившая блондинистая Барби, обладающая слишком кукольно-выверенной внешностью, чтобы считаться настоящей красавицей. Наташке недавно исполнилось пятнадцать лет, и я кажусь ей старухой. Несмотря на демонстративно грубоватую манеру поведения, Натка мне импонирует. Выглядит она моей ровесницей. У нее было больше мужчин, чем у меня. Она любит шокировать окружающих своей сексуальной раскрепощенностью. Курит, как боцман. И мало кто догадывается, что наша Натка еще учится **в школе**. Разумеется, в экстернате, потому что с нашим безумным графиком едва ли можно стать отличницей.

Она едва ли отличит тангенс от котангенса. Зато Наташка умеет: филигранно сворачивать косячки (одно по-обезьяньи ловкое движение ухоженных пальчиков – и кусочек папиросной бумаги и горстка сушеной конопли превращаются в тугой joint); проникнуть в модный ночной клуб, с гордым видом минуя фейсконтроль; выдавать сумку из кожзамени-

теля за эксклюзивную продукцию от «Луи Виттон»; копировать «лунную походку» Майкла Джексона; «развести» заинтересовавшегося ее юными прелестями мужчину на покупку куртки из стриженной норки, а потом вытаращить на него голубые глаза и возмущенно заявить: «Подняться ко мне на кофе?! Да за кого вы меня принимаете? Я девушка приличная и не принимаю у себя ночных гостей... И вообще, мне пятнадцать лет, могу паспорт показать!»; не влюбляться в мужчин, с которыми спит.

По-моему, не такой уж плохой багаж для пятнадцати лет. А тангенс с котангенсом – да кому они, если разобраться, нужны!

Воскресенье, девять часов утра. Все нормальные люди (включая мою соседку по квартире Зинаиду) сладко спят. Ну в крайнем случае бессмысленно смотрят какую-нибудь благодостную телепередачу или дремлют над чашечкой ароматного кофе.

Я же выхожу из дома и сажусь в трамвай. Наш новый хореограф, женщина по имени Стася, ни с того ни с сего решила собрать нас на спонтанную репетицию. Она, видите ли, придумала новое пластическое оформление для песни Федоркина «Твой двойной оргазм».

Не знаю уж, где Токарев ее откопал. Сама Стася отрекомендовалась как лучший балетмейстер города, много лет по контракту работавший в Париже. Но по некоторым дошед-

шим до нас слухам, Стася десять лет танцевала стриптиз в каком-то третьесортном парижском кабаре. Кувыркалась на скользком от чужого пота шесте. А теперь туда же – большой начальницей себя возомнила.

Я приезжаю в танцкласс с опозданием на пятнадцать минут. И туг же попадаю в лапы по-утреннему злобной, неспавшейся Стаси, физиономия которой без мейк-апа выглядит несвежей. Вот что косметика делает с женщиной. Еще вчера вечером наш хореограф была похожа на томную фарфоровую статуэтку – глаза подведены, щечки румяные, как у купеческой дочки. А сегодня ее кожа тусклая и желтая, как поношенный лыжный ботинок.

– Из-за таких неорганизованных людей, как ты, мы теряем кучу денег! – принялась с ходу возмущаться гарпия. – Знаешь, сколько стоит аренда танцевального зала? Ты опоздала на репетицию, и зал простаивает!

Прежде чем ответить, я мысленно досчитала до пятнадцати. Очень действенный прием, если не хочешь невзначай сорваться на хамство.

– Стася, мы же все равно никогда вовремя не начинаем. Чего ты кипятишься?

– Ты принесла костюм? – В ее голосе звучит металл.

– Зачем? Я репетирую в трико.

– Ты должна была заехать за костюмом! – повысила голос вредная бабенка. – Танцевать в трико и кринолине – совер-

шенно разные вещи.

– Не понимаю, кто придумал эти кринолины, – беззлбно ворчу я, – старомодно и вульгарно.

– А твое дело не думать, а танцевать. Вообще рада должна быть, что такую бездарь здесь держат.

Это было уже откровенным хамством, но я решила пропустить и эти слова мимо ушей. Кто виноват, что карьера и личная жизнь самой Стаси не сложились? Вот и срывает она накопившуюся злость на тех, перед кем все еще маячит возможное счастье. Кто знает, не остервенею ли я сама, если ничего-ничего не добьюсь.

Я прошла мимо Стаси в раздевалку и, не обращая на нее внимания, стянула через голову свитер. Она и не подумала отвернуться. Более того, я не могла не заметить, с каким алчным любопытством уставилась она на мою грудь. Хотя у профессиональных стриптизерок, наверное, так принято.

– Позавчера в «Метелице» вы с Наташкой танцевали так, будто предварительно объелись димедрола, – никак не могла успокоиться она, – движения заторможенные, никакого огня, никакой страсти.

– Стася, помилуй, вечер пятницы. Какая страсть, если это был третий концерт подряд?

– И вообще, лично тебе я объявляю выговор за опоздание, – с интонацией командира пионерского отряда сказала Стася. Да еще и ножкой топнула, обутой в каблукастый сапожок от «Вичини».

Детские ужимки смотрелись жалковато на контрасте с ее немного опухшей от издержек сладкой жизни физиономией.

Чем больше я наблюдаю за Стасей, тем больше начинаю бояться старости. Это не панический страх, а скорее легкая хандра в смутном ожидании неизбежного, которое наступит пусть не скоро, но со стопроцентной вероятностью. Иногда я подолгу смотрю в зеркало на свое лицо, придирчиво выискивая намечающиеся симптомы зрелости – тонкие морщинки под глазами, которые появляются, когда я улыбаюсь; упрямая складка между бровями – когда я думаю, непроизвольно начинаю хмуриться.

Я кажусь себе красивой. Я умею смотреть на свое отражение сквозь все эти морщинки и прыщи. Интересно, а сама я пойму, что состарилась? Или буду, как Стася, отчаянно штурмовать надвигающийся климактерический возраст мини-юбочками пионерского фасона и ногтями, раскрашенными в кислотно-розовый цвет?

Надеюсь, моя старость будет достойной.

А вообще, когда я начинаю углубляться в эти мрачные мысли, на помощь как спасатель в оптимистично-оранжевом комбинезоне приходит мысль о пластических операциях, круговых подтяжках лица и волшебных клиниках-жиротопильнях, из которых клиенты выходят помолодевшими на десять лет.

– Слышала, что я сказала? – бесновалась Стася.

– Да слышала, слышала. Хочешь сказать, что все осталь-

ные уже в сборе?

– Ты первая, – пришлось признаться ей.

...Как водится, репетицию задержали почти на полтора часа. И больше всех почему-то досталось мне, несмотря на то что я пришла первой. Это был определенно не мой день. Наташка ворвалась в зал, когда часы уже показывали половину одиннадцатого. На ее щеках алел раздражающе свежий румянец. Такой бывает только у пятнадцатилетних.

Ненавижу пятнадцатилетних. Из-за них мне приходится вставать раньше, чтобы как следует подрумянить щеки.

– У меня была сумасшедшая ночь, – пробасила Наташка, оправдываясь. У нее был потрясающий голос, необыкновенно низкий – и от природы, и от безостановочного курения. Курила она с тринадцати лет.

Стася лишь недовольно фыркнула. Интересно, почему она с таким азартом взялась ненавидеть именно меня, а к Наташке относится спокойно? За гораздо более весомое опоздание Натка удостоилась лишь снисходительного кивка пе-гой Стасиной башки, тогда как мне досталось по полной программе. Странно. Если ей и есть смысл кого ненавидеть, так это именно Наташку. Наташка все время лезет вперед. А я почему-то не верю ни в волшебные Золушкины метаморфозы, ни в спонтанное везение.

Мы с Наташкой начинаем разминаться. У нее то и дело верещит мобильный, и Натка отходит от станка, чтобы басови-

то сообщить очередному «солнышку», «зайчику» или «кисуле» о своем местоположении в данный момент и планах на вечер. В конце концов Стася не выдерживает и просит ее отключить мобильный.

К полудню в зале появляется заспанный Федоркин в фиолетовом джинсовом комбинезоне. Наташка, хихикнув, сообщает, что в таком одеянии он похож на Телепузика. Вилли в ответ заявляет, что Наташка дура, из чего мы делаем вывод, что он оби-делся.

– Ладно, хватит трепаться, встали в ряд, – хлопает в ладоши Стася. – Девочки, вы появляетесь на сцене первыми. Сцена в дыму, ваши силуэты еле различимы. Обратите больше внимания на руки... Ната, я сказала обрати внимание, а не размахивай ими, как Дэцл! Варя, откинь голову назад, надо сыграть на твоих волосах... Так, дым рассеивается, и на сцене появляется Вилли!

– Как Афродита из пены морской, – вякнула Наташка.

Федоркин выступил вперед, по-идиотски виляя задом. Есть люди, у которых координация движений непоправимо нарушена, и наш Вилли как раз из их числа. По-моему, ему вообще танцевать противопоказано. Топтался бы себе возле микрофона. Но Олег Токарев считает, что настоящий артист должен «выкладываться на все сто». «Иначе никто не поверит, что он поет от сердца, – говорил Токарев, – публика любит певцов, по лицу которых стекает пот. Голоса которых хрипят от напряжения!»

И никто не посмел возразить ему, что на самом деле публика любит не потливых и хрипящих исполнителей, а певцов, которые просто умеют петь в отличие от нашего Вилли.

– Стоп!!! – Стася орет-надрывается. – Все сначала!

Мы репетируем четыре с половиной часа. Больше всех достаётся мне. То Стасе не нравится, как я закидываю ногу на узенькое плечо Федоркина, то мой зад кажется ей малоподвижным. Пока она заставляет меня вновь и вновь тренировать знакомые движения, Наташка флегматично курит в форточку, а Вилли ест суши деревянными палочками, которые он принес с собой в пластиковой коробке.

Через четыре часа такой экзекуции злость моя готова вырваться наружу, как лава из беспокойного вулкана, и огненным тайфуном пронестись по танцевальному залу. Мне хочется ладонью звонко ударить зарвавшуюся Стасю по щеке. Мне хочется резко порвать на ее отвисшей груди свитер от «Дольче и Габбана» турецкого разлива. Хочется разбежаться и толкнуть ее так, чтобы костлявой спиной она разбила зеркало на стене.

Наконец Стасе надоедает глумиться надо мной и она, поджав бледные губы, говорит:

– Так и быть, на сегодня достаточно, всем спасибо. Плохо, Варя, очень плохо. Завтра мы репетируем в половине двенадцатого. И не забудьте, что мы должны выжать максимум из новогоднего концерта в «России»!

Как будто бы о таком можно забыть! Первый раз Вилли

Федоркина пригласили участвовать в большом сборном концерте вместе с настоящими звездами эстрады. И это после двух лет бессмысленного чеса по провинции и сольников в малоизвестных ночных клубах.

Переодеваемся мы все вместе. Вилли нас не стесняется, да и мы к его присутствию относимся безразлично. Во-первых, привыкли уже – в клубах нам чаще всего достается одна примерная на всех. А во-вторых, не та у нашего Федоркина сексуальная ориентация, чтобы смутить полуголую девушку.

Кстати, сложен он совсем неплохо. Плечи, может быть, узковаты, зато идеально накачан пресс. И ноги приятной формы. У мужчин так редко бывают красивые ноги.

Вилли относится к своей внешности с маниакальным вниманием. Ходит в фитнес-клуб и бассейн, постоянно пьет какие-то очищающие слабительные отвары и раз в неделю загорает в солярии.

– Заметила, как Стася на тебя взъелась? – спросил меня Вилли.

– Сама не пойму, с чего это она, – пожала я плечами. – Не знаю, чем я ей так не приглянулась.

– А я знаю, – понизил голос Вилли.

– И в чем дело?

– У Стаси есть племянница, тоже танцовщица. Кажется, она потеряла работу. И Стася прочит ее на твое место.

– Очень весело, – расстроилась я.

– Да не грусти ты раньше времени, прорвемся, – хлопнул он меня по плечу, – ты и не в такие переделки попадала. Помнишь, как танцевала в подъезде голяком?

– Такое не забудешь...

– Ну вот. И сейчас обойдется. Плохо, что Стася обрабатывает Олега на предмет того, что ты ленивая.

– И что же мне делать?

– Да ничего. Я не дам тебя убрать. А ты не опаздывай. Старайся. И просто прими к сведению.

– Ладно, спасибо, что предупредил.

Расстроенная, я подхожу к зеркалу. Лучше бы не подходила. Сегодня я себе не нравлюсь. Утром поленилась вымыть голову, и теперь волосы сальными прядками свисают вдоль бледного от переутомления лица.

Я достала из сумочки пудреницу и хотела было замазать коричневатые синяки под глазами, но потом передумала. Зачем реставрировать руины красоты? Тонкий слой пудры все равно ничего не изменит. Лучше поеду домой и как следует выплюсь перед ночным концертом.

Я попрощалась с Наташкой и Вилли, проигнорировав принужденное Стасино «пока». И вышла на улицу, плотнее надвинув на лоб джинсовую бейсболку.

В тот момент, когда я подумала, что хорошо бы не встретить ненароком кого-нибудь из знакомых, сработал закон подлости, подсовывающий нам самых неподходящих людей

в самые неподходящие моменты.

Я увидела его. Мужчину, который разбил мое сердце.

Часть вторая

С НИМ

Глава 1

Мужчина... Он появлялся в моей жизни изредка и совсем некстати. Он появлялся, стоило мне о нем забыть. А забыть его, видит Бог, было непросто. Каждый раз, когда я видела его, я с постоянством, характерным для большинства слабо-развитых личностей, снова думала, что на этот раз все будет по-другому. Так, как у нормальных людей. Красивая романтическая история из тех, что показывают в плохих американских мелодрамах, – после двух с половиной часов нечеловеческих страданий главный герой всасос целует главную героиню, играет сентиментальная мелодия, появляется надпись «The end», и ты, смахнув слезу умиления, возвращаешься в тот мир, где вокруг главной героини кучкуются уцененные второстепенные персонажи.

И я в **очередной раз** позволяла ему втянуть меня в **отношения**, у которых не было никакой перспективы. В очередной раз проходила все круги ада, уготованные для влюбленной идиотки, – эйфория, искренний хохот над его дурацкими шутками, страстный секс, ожидание телефонного звонка,

ревность, избиение ни в чем не повинной диванной подушки, битье бокалов, злоупотребление алкоголем, а потом в один прекрасный день сочувственно улыбающийся доброжелатель сообщит, что объект давно спит со своей секретаршей (фитнес-инструктором, первой женой, соплюшкой из стрип-бара, известной актрисой – да какая, черт побери, разница, с кем именно?!), и ты, размазывая сопли, клянешься самой себе о нем забыть – на этот раз навсегда.

Для того чтобы вы в полной мере могли осознать, насколько подлым был встреченный мною тип, мне придется обратиться к событиям почти двухлетней давности.

Впервые я увидела его в Париже.

Замечательное начало для романтической истории, да вот только не моей... Итак, Париж, лето, дождь. Олег Токарев вывез нашего остолопа Вилли покорять Европу. Почему он решил, что надрывное бляение Федоркина придется по вкусу взыскательной европейской публике, непонятно. Может, ему просто деньги отмыть надо было. Федоркин наш радовался, как дитя, которому поручили исполнить главную роль на новогоднем утреннике. Накупил себе новых шмоток три чемодана (все отвратительное, обтягивающее, самых невероятных расцветок), написал две новые песни, завязал с кокаином, репетировал по четыре часа в день. Мы только посмеивались над его наивностью.

И оказались правы, потому что в основном нам пришлось

выступать в третьесортных ночных кабаках перед полупустыми залами. Как правило, на наши выступления приходили эмигранты, да и те редко досиживали хотя бы до четвертой песни.

Федоркин переживал и срывал злость на нас, танцорах. Лично мне было все равно.

Вы скажете – что же плохого? Всю Европу объездила, да еще и денег за это получила. На что жаловаться-то? Так вот, я не видела ни Эйфелевой башни, ни Лувра. А танцевальные залы везде одинаковые.

Единственным положительным моментом в этих гастролях было то, что после концерта организаторы раскошеливались на нехилый фуршет. Иногда на таких сабантуйчиках можно было попробовать действительно интересные вещи – остро воняющий сыр, который, если положить его под язык, сам растает во рту, авокадо, фаршированные крабовым мясом (ничего общего не имеющим с привычными крабовыми палочками), икру. В то время я постоянно была на мели и никогда не упускала возможности поужинать на халяву.

Так вот, на одном из подобных фуршетов он ко мне и подошел. Сначала я на него и внимания не обратила, так как была всецело поглощена уничтожением тающего во рту жюльена из мидий. Никогда раньше я не ела ничего более вкусного. Он остановился рядом со мной и несколько минут молча смотрел на то, как я лихо расправляюсь со своей порцией.

Как он выглядел? Был ли красивым? Вряд ли, но что-то

такое в нем все-таки было... Не слишком высокий – всего на несколько сантиметров выше меня. Темноволосый, буржуазно загорелый. На нем был дорогой костюм цвета кофе, слегка разбавленного сливками.

– Добрый вечер! – наконец сказал он, а я молча улыбнулась в ответ. Честно говоря, не очень люблю знакомиться с новыми людьми.

Не дождавшись ответного приветствия, он решил сделать еще один шаг навстречу.

– Я заметил, что вы все время одна, и решил подойти.

– Я не одна, – улыбнулась я, – я танцую в кордебалете у Вилли Федоркина. Мы здесь все вместе.

– Да знаю я. Я же был на концерте. И вы мне очень понравились.

– Вот и замечательно! – воскликнула я и вернулась к своей тарелке, на которой аппетитной горкой возвышалось ветчинное ассорти. Все понятно, он из тех сальных типов, которые поджидают нас с Наташкой после концертов. Почему-то им кажется, что раз наши сценические костюмы состоят из нескольких кусочков почти не прикрывающей тело ткани, то и сами мы – девушки легкомысленные и лихие и договориться с нами – проще простого.

– Вы в первый раз в Париже? – подошел он с другой стороны.

– В первый, – пришлось ответить мне.

– А я здесь все знаю. Вы уже осмотрели город? Могу показать места, до которых обычные туристы не добираются.

– Спасибо, но не стоит. У меня нет на это времени.

– Сколько вам лет? – помолчав, спросил мужчина в кофейном костюме.

– Двадцать два. А что?

– Двадцатидвухлетней красавице неприлично говорить, что у нее нет времени на Париж.

– Знаете, а я совсем не романтична, – усмехнулась я.

– Хотите, докажу вам обратное?

– Даже не пытайтесь. Не тратьте свое время зря.

– Хорошо, – улыбнулся мой новый знакомый, – я успел узнать, что вас зовут Варвара. Такое красивое редкое имя. А меня зовут Денис Викторович Семашкин. Вы запомните мое имя, пока этого будет достаточно.

Эх, надо было сказать ему, что куриные желудочки на шпажках, которые разносит по залу официант, интересуют меня куда больше его имени. Но все же я считала себя девушкой воспитанной, пусть и несколько нелюдимой. Поэтому я просто сказала:

– Очень приятно, – и отвернулась, недвусмысленно намекая на то, что пора закончить наш разговор. Знать бы мне тогда, к чему это знакомство приведет!

Французский партнер Олега, занимавшийся нашими концертами в парижских кабаках, поселил нас в пригородном

пансионе для эмигрантов, интерьеры которого вызывали отнюдь не ностальгические воспоминания о пионерских лагерях и подмосковных оздоровительных санаториях. Меблировка в стиле «советский минимализм» – две кровати с панцирной сеткой и выдавшая виды тумбочка между ними, душ, густо населенный наглыми медлительными тараканами. Меня, как водится, поселили в одном номере с Наташкой. Впрочем, она-то как раз в клоповнике ночевать не собиралась.

– Познакомилась тут с одним типом, – сказала Натка, прикуривая одну кофейную сигариллку от другой, – поедem в его дом на вечеринку вокруг бассейна. Правда, у меня нет с собой купальника, но он обещал, что по пути мы зарулим в «Галери Лафайет».

– Симпатичный?

– Купальник? Я хочу бикини, полосатый. В этом сезоне опять возвращается полоска.

– Я имею в виду мужика.

– Ничего. Брюнет.

Ответ был пугающе лаконичным, из чего я сделала вывод, что пятнадцатилетняя Барби-Натка снова полюбилась состоятельному месье не первой свежести. Господи, что она с собой делает? Что будет с ней через несколько лет?

В тот вечер мы возвращались в пансион вместе. Наташке надо было «навести красоту» перед свиданием. Только в пятнадцать лет можно, оттанцевав концерт, отправиться на дискотеку, потом поиграть в Камасутру со случайным лю-

бовником; пару часиков подремав, взобраться на Эйфелеву башню, а вечером вновь быть готовой танцевать на концерте.

Я на физическую подготовку не жалуясь, но для меня это неприемлемый режим. В тот вечер мне хотелось одного – спать. Утомительный концерт и плотный ужин лишили меня воли, и неудобная кровать с продавленным матрасом казалась чуть ли не уголком обетованным.

Когда мы открыли номер, то в первый момент решили, что ошиблись дверью. Но потом я заметила Наташкин клеенчатый плащ, валяющийся в углу, и поняла, что мы на месте. Вот только...

Наташка, которая шла впереди, пробормотала:

– Что за чертовщина?

Кто-то украсил нашу комнату розами. Розы – сочные, с тяжелыми бутонами и малиновыми бархатными лепестками – были везде: на кроватях, на полу, на тумбочке, в раковине, в вазе на столе.

– Это действительно наш номер или у меня галлюцинация, Варь?

Я подняла с пола розочку и, машинально поднеся ее к лицу, резюмировала:

– А пахнут-то как!

– И что бы это значило?

– Может, твой месье с бассейном раскошелился?

– Да вряд ли. Хотя это было бы так романтично... Смотри, Варь, а здесь и записка есть.

На тумбочке и правда белел миниатюрный конверт.

– Открывай.

– Лучше ты. – Натка протянула конвертик мне.

– Почему я? Тебе же письмо.

– Почему ты так решила? – ломалась Наташка. Однако по тому, как разгорелся ее взгляд, я поняла, что она была бы совсем не против получить в дар несколько сотен роз от тайного обожателя. Цветов ведь нам с Наташкой никогда не дарили. На концертах все лавры плюс хилые букетики перепали Федоркину. А мужчины... Большинство современных ухажеров считают процесс дарения цветов старомодным. Наташкины поклонники предпочитали дарить ей более практичные вещи – зонтик от Нины Риччи, дорогую косметику, перчатки из бутика «Диор», солнечные очки.

– Потому что у меня здесь знакомых вообще нет, – отрезала я, – открывай, Натка!

– Ну ладно.

Остро подпиленными ноготками она подцепила край конверта и выудила оттуда картонный прямоугольник визитной карточки. На обратной стороне визитки было что-то нацарапано карандашом. По мере чтения Наташкино хорошенькое личико вытягивалось. Наконец она протянула визитку мне. Вид при этом у нее был разочарованный, из чего следовало...

– Это тебе. Прекрасной Варваре от Семашкина Дениса Викторовича.

Я не сразу сообразила, кто такой этот загадочный Денис Викторович. Потом, конечно, вспомнила брюнета, который на фуршете наивно пытался отвлечь мое внимание от мидий.

– Кто такой Денис? – выпытывала Наташка.

– Не обращай внимания. Никто.

– Никто?! – Она подбросила охапку роз вверх. – А по-моему, он вполне осязаем. Кто он? Ну скажи, кто?!

– Отстань.

Я небрежно смахнула с кровати цветы и улеглась прямо в одежде лицом вниз. Почему-то у меня испортилось настроение. Не люблю, когда со мной играют. Не люблю склонных к дешевому выпендрежу мужчин. Он мог бы просто подарить мне букет – вот тогда мне было бы приятно. Вместо того чтобы взламывать наш номер ради псевдоэффектного жеста, явно подсмотренного им во французской мелодраме со смутно эротическим уклоном.

И я решила: ни за что не буду звонить по номеру, указанному на визитке. Все равно послезавтра мы переедем из Парижа в Мюнхен. И больше я никогда Дениса Викторовича Семашкина не увижу.

Первое, что я увидела, войдя в номер нашей мюнхенской гостиницы, были розы. Белые розы на моей подушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.